

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Александра ЛИСИНА

ПЛАМЯ ДЛЯ ДРАКОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Как быть, если однажды в твою жизнь ворвется дракон и похитит тебя, словно принцессу из сказки? А потом еще заявит, что ты – его вторая половина, которую он ждал много тысячелетий? Вот и я поначалу растерялась. Но куда деваться, дракон-то призрачный, да еще и запертый в самой надежной из существующих тюрем. В качестве тюремщика у него – могущественный маг, которого так просто не одолеешь. А в качестве наказания – многолетнее одиночество и тоска, разбавленная ненавистью к пленившему его чародею.

Что делать в такой ситуации мне, простой деревенской ведунье? Конечно же использовать хитрость! Ведь сила зачастую ничего не решает, а ненависти противостоит намного более важное чувство, перед которым оказываются беззащитны даже самые сильные маги.

Александра Лисина

Пламя для дракона

© Александра Лисина, 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

– Надеюсь, мои мучения не напрасны, – пробормотала я, балансируя на кривоногой табуретке и пытаюсь достать с полки старую, покрытую толстым слоем пыли книгу. – Всего четыре часа поисков, и вот он, «Большой толкователь снов»...

– Хейли, будь с ним поаккуратнее! Это последний экземпляр!

– Апчхи! – оглушительно чихнула я, а затем сердито обернулась на голос. – Могли бы спасибо сказать, что я его нашла. А еще лучше – полки протереть. Тут же дышать нечем... А-апчхи!

Пожилой смотритель, будто не услышав, скрылся за стеллажами, а я спрыгнула на пол и, сдув с книги пыль, уселась за стол.

Доступ в городской архив для меня – редкая удача, которая стала возможной исключительно благодаря архе^[1] Ирше – моей наставнице и единственной в Приозерном крае ведунье. Но сегодня я заглянула сюда без ее ведома, и если она об этом узнает, не видать мне потом редких книг как своих ушей.

Покосившись на зарешеченное оконце, за которым вовсю бушевала метель, я поежилась и бережно открыла древний сонник.

Нет, я не суеверная. Ведуньи – народ трезвомыслящий, но с моей проблемой просто не к кому обратиться – знатоки снов, как и настоящие маги, в нашем мире давно перевелись, а обывателю о таком не расскажешь.

Дело в том, что меня преследует... дракон. Да, самый обыкновенный – здоровенный, зубастый и покрытый с ног до головы серебристой чешуей. Проще говоря, этот гад мне снится. Приходит когда ему вздумается, усаживается напротив и нагло смотрит в упор, будто не знает, как люто ненавидят драконов на Оруане.

Сколько лет я его уже вижу? Двенадцать? Нет, пожалуй, побольше. Но раньше он появлялся всего один-два раза в год. Однако чем старше я становлюсь, тем упорнее он меня преследует. И тем чаще я просыпаюсь в холодном поту, да еще с такой слабостью, словно проклятый зверь все силы из меня вытягивает.

Наставница на мои осторожные расспросы пренебрежительно отмахнулась. Мол, обычный кошмар, не стоит беспокоиться. Но этим утром, посмотрев на свои дрожащие руки и утерев со лба холодный пот, я решила: хватит. Надо разобраться, в чем дело, и понять, как избавиться от крылатой сволочи, пока она не свела меня с ума.

– Ну, есть тут что-нибудь по теме? Ага! – Склонившись над оглавлением, я торжествующе улыбнулась и, найдя нужную страницу, прочитала вслух: «Драконы являются предвестниками хаоса, разрушений и страданий...»

Хм, о том, что драконы – это зло, у нас хорошо знают. Не зря их в свое время истребили всех до последнего.

– «Сон, в котором дракон нападает на вас, означает, что вы попали в поле зрения влиятельного человека. Возможно, вам сделают заманчивое, но опасное предложение, от которого вы не сможете отказаться...»

Угу. Работу себе в замке владельца найду. Или сразу в королевский дворец подамся, чтобы не мелочиться.

– «Для женщины встреча с драконом может означать предстоящее знакомство с мужчиной, который будет ее настойчиво добиваться...»

На этом месте я не удержалась и фыркнула. Вот уж это мне точно не грозит! Ведуний замуж не берут – плохая примета.

– «Крылатый дракон предвещает успехи. Особенно в работе и обучении».

И снова вранье: учиться у Ирши мне больше нечему – к двадцати годам я, по ее словам, взяла все, что она могла мне дать. К двадцати трем начала потихоньку менять состав используемых ею зелий, а еще через пару лет арре с досадой сообщила, что для ведовства я не гожусь: своевольная очень, да и сострадания к людям у меня не хватает.

Неудача в архиве оказалась не последней неприятностью в этот нескладный день: к тому моменту, как Гнедыш вывез меня за городские ворота, погода испортилась окончательно.

Я откровенно задубела, пока добиралась до леса. От холода зуб на зуб не попадал, а вцепившиеся в луку седла пальцы онемели так, что я при всем желании не смогла бы их разжать. И ведь зима только началась, до обильных снегопадов было еще далеко, а впечатление создавалось такое, будто Творец за что-то ополчился на Приозерье. Но не это было самым ужасным – когда мы подъехали к деревьям, оказалось, что здесь больше нет знакомого мне с детства тракта.

Пока я растерянно смотрела на громадные сугробы, под которыми затерялась дорога, Гнедыш тревожно фыркнул и неуверенно переступил ногами. А потом в лесу раздался громкий треск. Флегматичный, не склонный к панике конь неожиданно взвился на дыбы и рванул прочь с такой скоростью, что я не удержалась и с головой ухнула в ближайший сугроб.

– Гнедыш! – испуганно крикнула я, отчаянно барахтаясь в снегу, однако крик потонул в торжествующем вое ветра. – Гнеды-ы-ыш... вернись!

Но куда там – коня и след простыл. Только виднелась между деревьев пробитая им борозда, да и та исчезала прямо на глазах.

Не желая насмерть замерзнуть всего в получасе езды до дома, я вскочила и что было сил рванула за предателем-конем. Сперва бежала, проваливаясь по колено и тщетно окликая поганца по имени. Затем быстро шла, тревожно озираясь по сторонам и до рези в глазах всматриваясь в бушующую метель. А под конец уже просто брела – медленно, с трудом переставляя одеревеневшие ноги и стараясь не думать о том, что могла просто-напросто заблудиться.

Когда я выбралась на припорошенную снегом опушку, то от радости даже не заметила повисшую в воздухе туманную дымку. А затем протерла слезящиеся глаза и обмерла, увидев полупрозрачное тело, неторопливо расправляющиеся паруса-крылья и... глаза. Те самые – огромные, пронизывающие до самого дна змеиные глаза, которые так часто видела во снах.

Я не трусиха, правда. И призраков вообще-то не боюсь. Да что там, я даже плакала всего два раза в жизни – когда едва не утонула в полынье и когда хоронили маму.

А тут меня буквально парализовало, потому что напротив сидел *он*! Тот самый дракон, который не давал мне покоя по ночам. Его серебристая чешуя, которой не смела коснуться ни одна витавшая над поляной снежинка, блестела и переливалась, словно усыпанная бриллиантовой крошкой. Усеянный шипами хвост нервно подрагивал. Из приоткрытой пасти сплошным потоком изливался настоящий смерч из колючих снежинок, раскручивался в полноценную вьюгу и обрушивался на притихший лес той самой бурей, сквозь которую я так долго пробиралась.

Наверное, я просто уснула, замерзнув под каким-то кустом, и дракон – мое предсмертное видение. Или же просто от холода мой разум помутился, как у мамы. Помню,

во сне она часто кричала – наверное, и ее когда-то мучили кошмары.

– Ты... – прошептала я, когда тяжелый взгляд пригвоздил меня к месту. – Что тебе нужно? Зачем ты меня преследуешь?!

Вместо ответа дракон распахнул кошмарную пасть, и я с ужасом поняла, что снова куда-то падаю. Стремительно, неумолимо, не имея ни малейшей возможности вырваться. От остро нахлынувшей боли в груди у меня перехватило дыхание. В глазах потемнело, все тело сковало ледяными тисками. А потом я все-таки умерла, наверное... и медленно завалилась навзничь, с головой провалившись в беззвездный колодезь, у которого не было дна.

Мне снова было холодно. Настолько, что пришлось свернуться калачиком, подтянуть повыше одеяло и завернуться в него, как гусеница в кокон. Правда, это не особо помогло – ощущение, что одеяло рваное и сквозь дыры постоянно поддувает, упорно не проходило. Хотелось накинуть сверху что-нибудь тяжелое, теплое, как связанное из овечьей шерсти покрывало, которым меня в детстве укрывала мама.

– Печку бы растопить, арре, – пробормотала я, услышав тихий скрип двери. Наставница всегда вставала ни свет ни заря, чтобы согреть дом и провести скотину. Надеюсь, сегодня она сжалится и не погонит меня на мороз? А то ведь обрадую ее – околею, не дойдя до сеней.

– Зачем вам печка, арре? – удивленно сказал чей-то незнакомый голос. – Тут и так нечем дышать!

Арре? Это ко мне, что ли, обращаются?

А потом до меня дошло – голос был не просто незнакомым! Он оказался *мужским*! И этот факт был настолько ошеломляющим, что я резко села, во все глаза уставившись на наглеца, посмеявшегося без спроса вторгнуться в дом приозерской ведуньи.

Наглецом оказался совсем еще молодой человек с правильными чертами лица, приятной улыбкой и внимательным взглядом человека, привыкшего с ходу определять настроение собеседника. У моей наставницы тоже был такой взгляд – умный, цепкий, внимательный. Но чтоб у парня, на пару лет младше меня... хотя, может, он просто выглядит молодо?

А потом мне стало не до разглядывания незнакомца – я только сейчас обнаружила, что нахожусь в чужом доме. Очень светлом (вон как солнце бьет в окна!), с высокими белыми потолками, которых никогда не знала наша старая хижина, и такими же белыми стенами, чья идеальная чистота прямо-таки резала глаз.

Единственным предметом мебели в комнате оказалась кровать. Не хлипкий скрипучий топчан, как у нас в хижине, а настоящая кровать – с нормальным матрасом, подушкой и атласным одеялом, от прикосновения которого по коже то и дело пробегал неприятный холодок.

Взглянув на свои голые руки, я вздрогнула и машинально поддернула одеяло повыше, стараясь не думать о том, куда подевалась одежда. После чего снова посмотрела на терпеливо ожидающего парня и напряженно спросила:

– Кто вы?

Незнакомец рассмеялся, заставив меня испытать нечто похожее на злость. Да, настоящая ведунья не должна показывать своих чувств, но мальчишка раздражал. Хотя бы потому, что понимал в происходящем больше, чем я. И потому, что, в отличие от деревенских мужиков, нисколько меня не боялся.

– Мое имя Элай, – отсмеявшись, представился парень. – Элай но Дир. А если уж быть совсем точным, то арре Элай но Дир.

Значит, маг. Понятно, почему он такой самоуверенный.

– Однако вам позволительно обращаться ко мне по имени, – произнес парень. Заметив, как у меня закаменело лицо, он добродушно усмехнулся: – Не бойтесь, арре, вы не сошли с ума и очень скоро поймете, что ничего страшного не произошло.

– О том, что я в здравом уме, я и так прекрасно знаю, – спокойно ответила я, вспоминая

последние мгновения перед пробуждением. Лес, метель, дракон... вот тебе и плохая примета. Куда ж меня по его милости занесло? – Однако ваше обращение ко мне как к магу вызывает недоумение.

– Странно, что вас волнуют такие мелочи, – снисходительно улыбнулся парень и, одним движением создав из воздуха стул, бесцеремонно на него уселся. – Надеюсь, вы не против? А то разговор предстоит долгий, а я предпочитаю вести дела с комфортом.

Я смерила наглеца мрачным взглядом, но смолчала.

– Начнем с самого простого. Что вы знаете о других мирах, арре? – благожелательно осведомился Элай но Дир, с нескрываемым любопытством следя за моей реакцией.

– Достаточно, чтобы понимать, что такое Веер миров, и знать, что иногда по нему можно путешествовать.

– Кто был вашим наставником?

– Наставницей. – Я наконец справилась с раздражением и вернула утраченное спокойствие. А вместе с ним и осторожность. – Ее зовут Ирша. И она ведьма.

На лице Элая проступило неподдельное разочарование.

– Всего-то? А какой объем информации по Вееру она вам передала?

Честно говоря, теория Веера была мне не очень хорошо знакома. Но о том, что миров во Вселенной великое множество и на многих есть разумная жизнь, наставница успела мне поведать. Как и о том, что некоторые миры расположены так близко, что с помощью Звездных троп можно спокойно перейти из одного в другой. Правда, путешествия между мирами – это удел могущественных магов, которых на Оруане уже много лет не видели. Быть может, поэтому подробную информацию арре посчитала для меня излишней.

– В общем-то все так, – кивнул Элай но Дир, когда я озвучила свои мысли. – Детали вам расскажут позже. А пока я должен объяснить причины вашего появления здесь и обрисовать ближайшее будущее. Если говорить коротко, вы стали жертвой одного из поисковых заклятий, нацеленного на обнаружение людей с весьма редкой способностью.

– Какие способности? – горько усмехнулась я. – У меня почти отсутствует магический дар.

Элай пренебрежительно отмахнулся.

– Для поискового заклинания важны иные качества. В частности, умение чувствовать мир лучше других. Вы, несмотря на возраст, обладаете им в полной мере, поэтому и находитесь здесь.

Нет, он не только наглец, но еще и хам! Я, конечно, понимаю, что всегда и везде на меня будут смотреть как на перестарка, но тыкать этим в глаза не стоит.

– Признаться, на этот раз кандидатов было совсем мало, и я больше никого не ждал, – продолжал вещать парень, не заметив моего мрачного взгляда. – Но поисковый кокон подал сигнал в самый последний момент, поэтому я чуть не опоздал и едва успел доставить вас в корпус целителей: переход по тропам отбирает много сил. А вы едва не перегорели, арре.

Час от часу не легче. Мало того что забросили к дракону на кулички, так еще чуть не убили при этом.

– И где же мы сейчас находимся? – осведомилась я, поддернув сползающее с плеч одеяло.

– На Атолле. В Школе наездников. А точнее, в одном из помещений западного комплекса, приказом директора отведенного под нужды целителей.

Я приподняла брови.

– Наездников? Прошу прощения, у вас так плохо обстоят дела с кандидатами на эту почетную должность, что пришлось организовать целую школу? – вежливо осведомилась я.

– Мы обучаем Всадников, арре. И это, можете мне поверить, весьма почетное занятие.

Мне стало почти смешно. Подумать только – всадники им нужны! Неужели это такая редкость?

– Школу не интересуют простые смертные, – хмыкнул Элай, словно прочитав мои мысли. – Быть Всадником – это не только талант, но и призвание. И такое же редкое умение, как талант рисовать. Или ваять живые скульптуры. Слышать голоса стихий или без ограничений пользоваться Звездными тропами... Кстати, умение создавать такие тропы – неотъемлемое свойство Всадника. А поисковое заклинание – это еще и маяк, помогающий вам открыть тропу в первый раз.

Я вспомнила, как проваливалась в пустоту, и вскинула на мага изумленный взгляд.

– Хотите сказать, это была...

– Совершенно верно, – ослепительно улыбнулся Элай. – Именно поэтому вы – потенциальная Всадница, арре.

– А вы, значит... тоже?

– Нет, – с сожалением вздохнул он. – Я целитель. А здесь нахожусь на практике. Отбой пробили где-то с полчаса назад, но я зашел вас провести и провести предварительный инструктаж. Это тоже входит в мои обязанности.

Я растерянно кивнула – вопросов было много и с каждым мгновением становилось все больше.

– Обучение бесплатное, – поспешил добавить парень, по-своему расценив выражение моего лица. – Одежда, питание, работа с лучшими преподавателями Веера, практические занятия на любом из миров, знакомство с выдающимися магами, связи, положение в обществе, звание Всадника по окончании обучения и возможность попасть в высшие круги, – поверьте, за все это с вас не возьмут ни гроша.

– Да? – насторожилась я. – А за что возьмут?

– После окончания Школы вам предлагается отработать на благо одного из миров несколько лет. Разумеется, в рамках стандартного договора: открытие новых Звездных троп, поддержание старых в рабочем состоянии, проверка и регулировка Врат. Сообщение между мирами – дело хлопотное, поэтому люди, способные его осуществлять, очень ценны. Ведь если в мире с одной-единственной Звездной тропой исчезнет возможность контакта с соседями и пропадут доставляемые извне ресурсы, что, как вы думаете, случится?

– Мир окажется в изоляции.

– Точнее, там наступит хаос. Всадники – гарант того, что этого не произойдет, поэтому и прилагается так много усилий, чтобы ваши ряды неустанно пополнялись.

Я прикусила губу.

– Почему же меня нашли так поздно? Почему поисковое заклинание сработало только сейчас?

– Веер велик, и могут потребоваться годы, чтобы найти хотя бы одного потенциального Всадника. А магов не так много, и мы не в силах охватить все существующие миры, поэтому используем для поиска специальные заклинания-маяки. Их задача – улавливать колебания пространства определенной конфигурации и по ним определять потенциального кандидата. А в нужное время помочь ему оказаться здесь. Дать, так сказать, толчок.

Я снова подумала о драконе и осторожно поинтересовалась:

– А галлюцинации оно, случайно, не провоцирует?

– Первое открытие всегда интуитивно, – пожал плечами Элай. – Обычно ему помогают сильные эмоции – страх, гнев, боль, ярость... Но иногда тропа – это просто мрак, сквозь который нужно пройти не оступившись.

Хм... Значит, я не схожу с ума. Просто в голове почему-то засело то крылатое чудовище, вот и померещилось.

– Почему я пришла последней?

– Потому что вы, судя по всему, из отдаленного мира, – спокойно объяснил молодой маг, позволив себе еще одну снисходительную улыбку. – Как, кстати, он называется?

– Оруан.

– Ого, вот это вас занесло! Давненько оттуда не было вестей, – негромко присвистнул Элай, а я снова насторожилась.

– С Оруаном что-то не так?

Повинуясь несколько картинному взмаху руки парня, передо мной возникла полупрозрачная схема, состоящая из множества разноцветных шариков и протянувшихся между ними тончайших черточек. Как канва для вышивки, на которую кто-то нанизал цветные бусины. Причем «бусины» были разных размеров и располагались на первый взгляд хаотично: где-то группами по пять-десять штук, а где-то, наоборот, поодиночке. Однако в целом эта россыпь действительно напоминала гигантский веер, элементы которого соединялись между собой серебристыми ниточками.

Не дав мне насладиться иллюзией, маг небрежно ткнул пальцем в самый низ, где находилась крупная ярко-алая «бусина».

– Это – Атолл. Срединный мир небольшого звездного скопления, дальше всех находящийся от Красного солнца и поэтому же практически необитаемый. Отличается стабильно высоким уровнем магического поля, благодаря чему на нем стало возможным создание Школы. А теперь сравните...

Он уверенно ткнул пальцем в дальний левый угол картинки, в одну из наиболее тусклых точек на самом краю Веера, на которой мелькнули и тут же исчезли какие-то непонятные цифры.

– Оруан. Окраинный мир, где почти не осталось резонаторов магии. Раз он присутствует на карте, значит, когда-то сюда была проложена стационарная Звездная тропа. Скорее всего, одна, потому что тащить в такую даль вторую не имеет смысла, если, конечно, у мира нет уникальных ресурсов. У вас, видимо, их не оказалось, поэтому, когда тропа погасла – а такое время от времени случается везде, восстанавливать ее не стали. В итоге Оруан отделился от Веера и довольно долго, пару-тройку тысячелетий, судя по дате снятия с учета, развивался по собственному пути. За это время магический фон снизился настолько, что среди вас почти перестали появляться одаренные. Это, в свою очередь, привело к деградации построенных на магии технологий. Затем оскудели ремесла, усугубив разброд в умах и значительно повысив риск бунтов. За этим, скорее всего, была череда затяжных войн, в результате которых некогда единые земли раздробились на множество мелких. И если между ними нет постоянной грызни, то лишь потому, что остатки тех, кто еще владеет магическим даром, оказались способны удержать ваших правителей от грубых ошибок. Хотя и это ненадолго; думаю, уже сейчас среди ваших соотечественников нет ни одного мага выше второй-третьей ступени. Не так ли?

Я побледнела. Ирша как-то обмолвилась, что у нас теперь и первая-то – редкость. Да и о

войнах за Наследие, длившихся по несколько десятилетий, я тоже слышала... Творец, неужто этот паренек, так легко рассуждающий о наших проблемах, прав?!

– Впрочем, – преувеличенно бодро заявил Элай, – для истинного Всадника это не имеет значения. Надеюсь, обучение пойдет вам на пользу и вы сумеете доказать, что выходцам из окраинных миров еще есть чем удивить столичных франтов.

Я отвернулась.

– Спасибо. Не уверена, что мне это нужно.

– А что вы теряете? – хмыкнул маг. – У вас настолько сытая и богатая жизнь, что вам неинтересно узнать что-то новое? Или, может, вы боитесь, что несколько лет обучения испортят вам карьеру и личную жизнь?

Я вздохнула – какая может быть карьера у деревенской ведуньи? Куда я подамся без диплома и рекомендаций? Семьи у меня нет, я с семи лет круглая сирота. И арре Ирша уже давно примеривается, как бы от меня избавиться. Найдет другую преемницу – выгонит. Не найдет – какое-то время я у нее еще поживу...

Я тряхнула головой.

– Хорошо, я согласна. Только объясните, откуда взялось такое название – наездники? Кого тут у вас, так сказать, объезжают? И для каких созданий Творца готовят таких Всадников, которым может потребоваться умение перемещаться между мирами?

– А вы не догадываетесь, арре? – расплылся в коварной улыбке паренек. – И совсем-совсем ничего не знаете о существах, которые способны свободно переходить из мира в мир? Может, вам заново пересказать историю появления в Веере вашего мира? И напомнить, почему на Оруан больше не ведет ни одна стационарная Звездная тропа?

Я вздрогнула и ошеломленно уставилась на ухмыляющегося целителя.

– Оруан назван отсталым миром не потому, что у вас почти не осталось магов, – откровенно наслаждаясь моим замешательством, сказал Элай. – Это маги перестали рождаться, когда вы потеряли тех, кто дал им силу. Арре, вы в курсе, какие существа являются природными резонаторами магии?

У меня в груди что-то неприятно сжалось.

– Но *их* ведь больше не осталось!

– Кто вам сказал? – как во сне, услышала я голос Элая. – Добро пожаловать в единственную в Веере Школу наездников для драконов, арре! Надеюсь, обучение будет для вас полезным.

Драконы... Древнее проклятие моего мира.

Когда-то разумные рептилии были покровителями и защитниками на Оруане, а увидеть в небе крылатую тень считалось доброй приметой. Благодаря драконам в нашем мире цвели ремесла. С их помощью маги достигали таких высот, о каких теперь даже говорить страшно. Могущественные повелители стихий, покорители ветров, хранители лесов и морей, великие строители, талантливые зодчие, прекрасные художники и непревзойденные в мастерстве творцы... люди в то время могли почти все.

Но однажды все изменилось. Небеса потемнели от вышедших на охоту крылатых властителей. От их тяжелой поступи останавливались сердца. От их дыхания горели леса, поля, дома... а люди умирали сотнями и тысячами, порой даже не успевая понять, за что и почему.

О причине нападения драконы ничего не сообщили. Их боевой клин тяжелым молотом

обрушился на сонные деревни, убивая всех без разбору. Кого – огнем, кого – клыками и когтями, а кого – вырванными с корнями деревьями или огромными валунами, играючи поднятыми со своих мест. И все это – за час до самого обычного рассвета, после самого обычного дня и такой же спокойной ночи, когда никто и ничто не предвещало беды.

Было ли все именно так или же летописи, как обычно, писались победителями, мне неизвестно. Но каждый ребенок на Оруане знает, что за совершенное предательство крылатые твари были прокляты. Им не простили ни сожженных городов, ни обезлюдивших земель, ни сровненных с землей деревень. И по сей день не забыли того ужаса, что ворвался на их крыльях в человеческие селения.

Признаться, я не очень верила в страшные сказки, и даже трепетно хранимые летописи у меня большого доверия не вызывали. Наш Крим, конечно, городок маленький, архив там еще меньше, но его единственный смотритель – истинный фанат своего дела, и в собранной им коллекции свитков нашлось немало текстов, в подробностях рассказывающих о безумии повелителей Оруана.

Я за последние годы перечитала их все и была готова допустить, что гнев драконов обрушился на людей неспроста – разумные ящеры, какими бы они ни были, вряд ли могли сойти с ума, да еще все разом. Безумие – не насморк, и заразиться им невозможно. Это я вам как ведунья говорю.

Да, люди и сейчас не очень-то отзывчивы. Они подчас невежественны, суеверны и подозрительны сверх всякой меры. Среди них много жадных дураков, подлецов и мерзавцев. Но мы не все такие. И кому, как не драконам, было не знать об этом? Кому, как не им, следовало предвидеть, что после того, как на Оруане запылали человеческие поселения, даже самые мирные восстанут? Для любого разумного естественно бороться за тех, кто им близок. Если видим угрозу, мы, даже не понимая ее источника, сделаем все, чтобы уберечь дом, жену, детей...

Драконы, видимо, об этом забыли, потому и проиграли начатую ими войну. Крылатых тварей отслеживали и убивали как бешеных зверей. Гнезда разоряли. Взрослых самок уничтожали, чтобы не приносили приплод, детенышей забрасывали копьями, а самцов, несмотря на всю их устрашающую мощь, методично отлавливали, заманивали в ловушки и убивали.

Это была настоящая война на истребление, длившаяся не одно десятилетие. Война, где простые крестьяне становились приманками, лесники – загонщиками, а уцелевшие воины и маги – палачами.

И настолько велико было стремление смертных уничтожить могущественных соседей, настолько велика была их ненависть, что драконы в конце концов не выдержали – ушли. Оставив после себя много горя, тела убитых сородичей, разрушенные до основания Врата и недобрую память, которая не стерлась и по сей день.

Нет, я не испытывала к драконам ненависти за прошлое. Но и относиться с пониманием тоже не могла. Слишком много вражды легло между нашими расами. Слишком много крови. Поэтому, когда Элай но Дир вдруг сообщил, что в других мирах драконы все еще существуют, я, признаться, растерялась. И безнадежно утратила нить дальнейшей беседы, машинально отвечая на многочисленные вопросы мага, которому зачем-то понадобилось копаться в моем прошлом.

– Пожалуй, на сегодня все, – устало вытер лоб Элай но Дир, когда за окном потемнело. – Основное я записал, остальное уточнится чуть позже. Как вы себя чувствуете, арре?

Я вяло пожала плечами.

– Тогда мы на этом закончим. Я скажу, чтобы вам приготовили форму и проводили в вашу комнату. С завтрашнего дня начинается обучение... Аре, вы меня слышите?

– Да, конечно, – так же вяло кивнула я, чувствуя себя на редкость опустошенной. Слишком много событий, чересчур много информации. – Как скажете.

Он молча поднялся и, не прощаясь, вышел. А я, будучи не в силах справиться с охватившим меня смятением, поплотнее закуталась в одеяло и, как показалось, всего на минутку прикрыла глаза...

Проснувшись я оттого, что что-то ритмично пульсировало у меня на руке. Кинув равнодушный взгляд на полоску желтого металла, плотно обхватившую левое запястье, я совершенно спокойно встала, оделась, размеренно и как-то привычно умылась в крохотной, но неплохо оснащенной уборной.

Вернувшись, без всякого удивления обнаружила на стоящем под огромной вытяжкой столе поднос с едой и, плотно позавтракав, уверенно шагнула к двери. Откуда-то точно зная, что обнаружу за ней пустой, убегающий вдаль коридор, заканчивающийся каменной аркой, сквозь которую мне нужно будет попасть в...

Мой взгляд упал на вычурную дверную ручку в виде головы дракона, и рука, едва не коснувшаяся злобно оскаленной морды, замерла на полпути. Сердце на мгновение дало сбой, когда в глазах хищной твари мелькнули и пропали рубиновые огоньки. А мой затылок прострелила боль, и я, охнув, буквально рухнула на стоящий рядом стул, в полнейшей растерянности уставившись на совершенно незнакомое помещение.

Мать моя женщина...

Еще мгновение назад я ходила и ориентировалась так, словно прожила в этом месте всю жизнь! А теперь смотрю и не узнаю... Впрочем, единственную кровать точно ни с чем не перепутаешь. Простая, деревянная, с высоким изголовьем, уже почему-то заправленная, хотя я, хоть убейте, не помню, когда успела это сделать. Чуть дальше стоит шкаф, письменный стол со стопкой чистой бумаги и чернильницей. К столу аккуратно придвинут такой же стул, как и тот, на котором я сидела в состоянии шока. На противоположной стене зарешеченное окно, за которым лениво кружатся пушистые снежинки. Справа еще одна дверь, в уборную, – теперь я это тоже вспомнила. Внутри странные приспособления, которые я до сегодняшнего дня в глаза не видела, но тем не менее откуда-то знала, как они называются, да еще и, оказывается, воспользоваться правильно сумела. Рядом с уборной – второй стол, поменьше, чем письменный, зато снабженный широкой, будто труба у королевского камина, вытяжкой... Правда, какие у королей бывают камины, я не видела, но сравнение почему-то показалось верным.

В висках снова предупреждающе кольнуло. Я машинально подняла руку к лицу, но увидела собственный рукав, торопливо себя оглядела и окончательно растерялась.

Творец... откуда я вытащила этот нелепый костюм отвратительного черного цвета? Что это за рубаха? Откуда взялась меховая куртка и теплые перчатки на поясе? А это еще что? Сапоги! До колен? Да еще и на меху, как верхняя куртка?

«Стандартная униформа, – всплыло откуда-то из глубин памяти название. – Обычная одежда Всадников».

Вот тогда я почувствовала, что еще немного, и начну истерически хохотать. Творец! Да я выгляжу в этой униформе, как чучело. Виданное ли дело – ведунья в мужской одежде! Вот позорище! Да меня... у меня же... ох, я надеюсь, хотя бы белье оказалось нормальное!

Несколько успокоившись, я обнаружила вышитую на левом плече эмблему в виде распахнувшего крылья золотого дракона и медленно выпустила воздух сквозь плотно сжатые зубы.

Вот теперь я начала кое-что понимать и, в частности, припоминать. В первую очередь то, что случилось вчера после разговора с Элаем.

Как во сне, передо мной всплыло лицо конопатого мальчишки, ворвавшегося в комнату вскоре после ухода мага. Те самые черные тряпки, которыми он размахивал из стороны в сторону и которые теперь красовались на мне. Вспомнила, как следом за пацаном явился маг постарше, зачем-то походил вокруг, поводил руками, бормоча под нос какую-то белиберду. А потом защелкнул на моей руке тонкий браслет из желтого металла, после чего в моей голове поселился подозрительный туман, который заставил забыть все эти манипуляции и рассеялся вот только сейчас. Буквально мгновение назад, когда я снова увидела дракона и вспомнила наконец, кто я и откуда.

Я помотала головой, прогоняя остатки магического дурмана, и зло прищурилась.

Так-так, кажется, кто-то решил, что может безнаказанно воздействовать на мой разум? Знаю я эти штучки – у нас чародеи любят так баловаться. На ведуний, правда, их фокусы действовали слабо и недолго, что меня и выручило. Хотя нельзя не признать, что без новообретенного знания я вряд ли смогла бы разобраться, как включить воду и привести себя в порядок.

Впрочем, это легко проверить.

Поднявшись со стула, я уже хотела вернуться в уборную, но по дороге наткнулась на большое, вплавленное в стену зеркало. Беглый взгляд на отражение показал, что мужской костюм, хоть и выглядел по-дурацки, сидел на мне как влитой. Словно кто мерку заранее снял. Хотя, может, и сняли. Кто знает, куда они дели мою одежду.

Зато насчет цвета я угадала – черный мне категорически не шел. Я выглядела в нем бледнее, чем обычно, и на фоне неестественно светлой кожи даже мамины голубые глаза, которыми я всегда гордилась, смотрелись блекло.

Пока я на себя любовалась, левую руку снова ощутимо сдавило. Мягко, но так настойчиво, что я поняла – мне надо поторопиться. Откуда пришло это ощущение – неясно, но мне до зуда в ногтях приспичило покинуть комнату и куда-то идти... вернее, почти бежать, потому что чувство безвозвратно уходящего времени стало настолько острым, что его можно было назвать болезненным.

Решив разобраться с кранами позже, я осторожно выглянула за дверь.

Так и есть – длинный коридор, вырубленный, казалось, прямо в толще огромной скалы. Каменные стены в виде переходящих друг в друга арок, искусно симитированные огромные «окна» между ними, сводчатый потолок, украшенный изысканной лепниной, и новая арка... Еще одна – та самая, что я видела в своем воображении. Только теперь она не пустовала, а светилась зеленоватым светом, словно настойчиво приглашала войти.

Уверенность в том, что мне нужно именно туда, была абсолютной. Как и то, что перед этим просто жизненно необходимо нажать на вон те два каменных завитка. Причем знание о них всплыло в памяти так естественно, что я бездумно им воспользовалась и спохватилась лишь тогда, когда шагнула в открывшийся портал.

Впрочем, ничего плохого не случилось – я как вошла в арку, так и вышла, не ощутив ничего, кроме легкого холода на лице. А когда обнаружила себя в просторном помещении, почти не растерялась. Отыскала глазами стоящего у дальней стены и изучающего меня незнакомого мужчину, осторожно наклонила голову так, как принято у нас в Приозерье.

Мужчина оказался высоким, худым и лысым. Выглядел он потешно, поскольку обрядился в очень тесный камзол, как нарочно подчеркивающий нездоровую худобу, и такие же узкие штаны, которые у нас в деревне ни один мужик не рискнул бы надеть, чтобы не стать посмешищем. Наверное, если бы не седина на тщательно завитых усах незнакомца, я

бы, может, даже рассмеялась. Однако строгий взгляд из-за толстых линз мгновенно отбил охоту улыбаться.

– Доброе утро, арре, – прохладно кивнул этот тип, указывая мне на ближайший стол, вернее, столик – очень уж скромным он был по размерам. – Присаживайтесь. Вы у нас последняя, так что приступим наконец к занятиям.

Я осторожно втиснулась за... парту (снова всплыло в памяти незнакомое слово), как-то естественно и привычно сложила руки перед собой и только потом поймала себя на мысли, что уже в третий раз за это утро не могу себя контролировать.

Это было плохо. Зато я наконец-то поняла, зачем понадобилась меховая подкладка на куртке. И почему в этом замке – а Школа, судя по всему, находилась в огромном и почти неотапливаемом замке – возникла необходимость в верхней одежде.

– Прошу вас ничему не удивляться, – не обращая внимания на мои трудности, продолжал мужчина, являющийся тут, видимо, главным. – И не пугаться того, что некоторое время объем ваших знаний не будет соответствовать тому, чем вы владели до зачисления в Школу. Это сделано намеренно, чтобы вы не отвлекались на бытовые мелочи. Прошу не рассматривать это маленькое вмешательство в ваш разум как попытку вторжения в личное пространство или желание навредить.

Ах вот как это теперь называется!

– Благодаря проведенному целителями внушению вы можете свободно перемещаться по территории Школы – вернее, той ее части, которая доступна для посещения. Пользоваться ТУСами...

«Телепортационными устройствами», – машинально перевела я, внимательно разглядывая оратора.

– И с легкостью ориентироваться в массе непривычных и подчас незнакомых вам терминов, во многом заимствованных из других языков. Чтобы вы понимали, почему это так необходимо, прошу вас дотронуться до мочки левого уха...

Я уловила краем глаза какое-то движение и только сейчас со стыдом поняла, что в помещении находились еще люди – симпатичный белокурый паренек лет семнадцати с надменным лицом аристократа, рыжая девчушка лет двенадцати и два нетерпеливо ерзающих подростка, занявших места сразу перед ней. Все четверо были одеты так же нелепо, как и я, точно так же были сейчас озадачены и совершенно одинаково тянулись, куда им было указано.

Кинув быстрый взгляд на терпеливо ожидающего нашей реакции мужчину, я послушно поднесла руку к левому уху. И сделала еще одно неприятное открытие: оказывается, вчера, пока я безучастно сидела на постели, ушлый старичок-маг воткнул мне в мочку какую-то штуку, под пальцами определенно чувствовалось нечто инородное. То ли горошина, то ли камешек, успевший забраться глубоко под кожу.

– Это – вспомогательный артефакт, – пояснил преподаватель, когда я уже решила, что пора паниковать. – Не волнуйтесь, он не причинит вам вреда и самостоятельно покинет ваше тело, как только надобность в нем исчезнет. Основная функция этого устройства заключается в том, чтобы дать вам возможность понимать меня и друг друга. Миров в Веере много, а рас и национальностей – еще больше, поэтому, чтобы не испытывать трудностей в общении и при чтении иноязычной литературы, Школа предоставила вам шанс получать знания с минимальными затратами. Думаю, вы оцените это преимущество по достоинству, арре. Когда поймете, какой гигантский материал вам предстоит освоить, и осознаете, какое

количество книг вам придется прочесть.

– Но я не умею читать, – испуганно пролепетала сидящая передо мной девочка.

– Ничего страшного, арре, – ласково улыбнулся преподаватель. – Мы с вами проведем несколько дополнительных занятий, и с помощью одного замечательного артефакта восполним этот пробел. Так что очень скоро вы сможете без труда читать книги на любом языке Веера.

– Почему не на своем? – проворчала я, беспокойно теребя горошину в ухе. – Разве их нельзя перевести?

– Не все поддается адекватному переводу, особенно в той части, что касается магических заклятий. Для некоторых понятий в других языках просто нет аналогов. А какие-то вещи необходимо осваивать исключительно на языке носителя. Кстати, мы с вами в данный момент общаемся на универсальном языке Троемирья, распространенном в трех центральных мирах ближайшего к нам звездного скопления. Обычно его изучение не составляет труда – знание о нем получает любой человек, хотя бы раз прошедший стационарной Звездной тропой. Но вы им пока не овладели, поэтому временно переводить для вас будет артефакт. Он же обеспечит скорейшее закрепление новых знаний, позволит спокойно разбирать непонятные тексты, поможет запомнить основы письменности, так что впоследствии вам не понадобятся костыли для общения.

– А почему нас нельзя было провести сюда стационарной тропой? – снова спросила я, отпуская наконец истерзанное ухо. И почему-то испытывая непреодолимое желание поднять вверх правую руку, как ребенок, испрашивающий позволения у родителя. Мерзкое такое чувство. Не буду ему поддаваться. – Не проще ли было сводить нас в какой-нибудь соседний мир, а потом вернуть обратно? Не пришлось бы мучиться с артефактами...

– Простые пути не самые верные, арре, – снисходительно посмотрел на меня мужчина. – А для будущих Всадников к тому же существует строгий запрет на пользование стационарными тропами на протяжении первого полугодия. Почему, я расскажу вам чуть позже, а пока поверьте на слово: сейчас этот артефакт для вас – единственный возможный вариант.

– Это тоже артефакт? – Я все-таки подняла вверх руку, но левую. С браслетом.

– Совершенно верно. Только функция у него другая. Вернее, у него несколько функций. В том числе определение для вас стандартных временных рамок.

– Это как? – рискнула задать новый вопрос девочка, подняв вверх правую руку.

– Очень просто, арре Тисса. Насколько я помню, на Диране сутки составляют двадцать восемь часов по шестьдесят пять минут в каждом?

– Д-да, – еле слышно ответила кроха.

– А в вашем мире, арре Матиас, часов в сутках всего двадцать пять.

– Ага, – довольно кивнул парнишка – тот, что посветлее, который сидел поближе ко мне, прямо перед девочкой. – Только минут в часе пятьдесят.

– А у нас – сорок пять, – несмело добавил его сосед и выжидательно уставился на учителя.

«А у нас – семьдесят, и день гораздо длиннее», – мрачно подумала я, уже разобравшись, к чему весь разговор.

Мужчина одобрительно кивнул.

– Все верно. Но в этом-то и есть основная сложность: каждый из вас привык жить по определенным временным рамкам. Миры ваши очень разные, скорость их движения вокруг

своих светил тоже разнятся, поэтому даже количество дней в году может сильно отличаться. Чтобы уравнивать их, на Атолле используется система измерения времени, принятая в Троемирье: в сутках двадцать четыре часа, в часе – сорок пять минут. Минута, как и везде, включает пятьдесят секунд. На это вы теперь и будете ориентироваться. Чтобы вы об этом не забыли, каждому часовому отрезку на ваших браслетах соответствует длинная черточка и определенная цифра, каждому минутному – короткая черточка без цифры. Светящиеся полосы означают фактическое время на Атолле, но белым цветом они загораются лишь в светлое время суток, а черным соответственно в ночное. Очень легко запомнить.

Я мельком покосилась на браслет. Что ж, все правильно – судя по ярко-белым черточкам и цифре «восемь» в левом нижнем углу, сейчас раннее утро по местному времени. Привыкнуть сложно, но можно, тем более что сделанное накануне внушение все еще действовало и помогало спокойно воспринимать любые новшества.

– Поскольку вы не скоро привыкнете к новому ритму, перед каждым занятием браслет будет подавать вам сигнал, – добавил учитель. – И чем меньше времени останется до урока, тем плотнее артефакт будет сжиматься вокруг вашей руки. Оторвать, конечно, не оторвет, но лучше приходить вовремя.

– Простите, а вы – маг? – снова встряла я.

– Нет, – мужчина странно дернул щекой, – я ваш преподаватель по основным немагическим дисциплинам на ближайшие полгода. Обращаться ко мне можно «господин Дабощ» или «мастер Дабощ».

– А почему только на полгода?

Преподаватель на меня посмотрел неодобрительно.

– Потому что за это время станет ясно, сможете ли вы стать Всадниками. То, что вы оказались здесь, еще не означает, что вы непременно получите обещанный статус. За него еще придется побороться. В первую очередь с самим собой, ибо ваша основная задача сейчас – это обучение самодисциплине и самоконтролю. И именно этим мы с вами будем заниматься на протяжении всего отпущенного времени. Для чего, вы спросите? И почему Школа уделяет этому вопросу так много внимания?

Преподаватель одарил нас многозначительным взглядом.

– Сейчас ваш разум – это скопление хаоса. – Его голос внезапно стал торжественным, словно у королевского глашатая. – Ваша голова – обитель множества мыслей и еще большего количества эмоций. И разобраться в сиюминутно возникающих желаниях подчас невозможно. А драконы – существа высокоорганизованные. Обладая врожденной способностью к мысленному общению, они не нуждаются в речевом контакте. Вернее, их голосовые связки к этому не приспособлены. Поэтому драконы считывают ваши души. Смотрят в самую суть. И если ваша голова окажется похожей на кипящий котел, никакого общения не получится. Вам придется научиться очищать ваш разум от всего лишнего, наносного. Овладеть умением достигать абсолютного спокойствия. Приобрести навыки мысленного общения. Научиться угадывать истинные устремления собеседника и защищаться от тех, кто попытается воспользоваться вашим доверием.

Я внезапно поймала себя на том, что слушаю, раскрыв рот, и тут же поспешила его захлопнуть. Вот ведь завернул... Поневоле хочется поверить и тут же бежать выворачивать наизнанку душу. Причем, судя по обалдевшим физиономиям детей (а по сравнению со мной они действительно дети), это чувство испытала не только я. Один аристократ, пожалуй, удержал на лице надменное выражение, но и ему это далось нелегко.

Все. Заканчиваем развешивать уши лопухами. Надо встряхнуться.

– Простите, мастер Дабош, – вежливо прервала я вошедшего в раж учителя. – Можно еще вопрос?

Тот горестно возвел глаза к потолку, но все же соизволил ответить:

– Да, арре Хейли?

О, он нас уже по именам знает? Наверное, Элай со своим списком постарался. И хорошо, если допрос проходил не под внушением, хотя надежды на это маловато.

– А вы покажете нам настоящего Всадника? Ну чтобы нам было на кого равняться и к чему, так сказать, стремиться?

– К сожалению, ни одного Всадника здесь нет, арре Хейли. И, скорее всего, еще долго не будет, разве что лорд Эреной, наш директор, выпросит кого-нибудь у императора на денек.

– А драконов мы увидим? – возбужденно подпрыгнули на своих местах мальчишки.

Преподаватель одарил меня еще одним неодобрительным взглядом и вздохнул.

– Нет. Драконов, уважаемые арре, вы не увидите до самого своего посвящения.

По классу разнесся разочарованный стон.

– В силу некоторых причин драконы не залетают на Атолл – им здесь не очень комфортно. А таинство посвящения будет у вас годиков этак через восемь. И то если повезет.

– Как же так, мастер Дабош? – удивилась я, в который раз усилием воли заставив правую руку не дергаться. – А разве старшие ученики не будут его проходить в этом или следующем году? Неужели нам нельзя присутствовать?

– Обретение Всадника – интимный ритуал. Он не терпит посторонних.

Я притворно вздохнула, а про себя порадовалась: очень хорошо, что хотя бы какое-то время крылатые твари не будут меня тревожить. Раз уж отказаться от учебы нельзя, пусть перспектива встречи максимально отдалится. И вообще, есть надежда, что на такую, как я, никто из них не позарится, и тогда мне не придется ломать свое мировоззрение.

– Жаль. Но мне все равно непонятно – чему именно нас будут учить?

Господин Дабош поправил свое непонятное приспособление на носу и гордо вскинул голову.

– Всему понемногу: истории, географии, риторике, математике... Истинный Всадник должен быть хорошо образован, арре. И не посрамить чести нашего уникального заведения даже перед лицом императора Троемирья. А посему прекращаем бесполезные в данный момент дискуссии и готовимся хорошенько запоминать все, что я скажу...

Из класса я вышла на ватных ногах, заоченевшая и с гудящей от обилия свалившейся информации головой.

Нет, если это называется учебой, я категорически против того, чтобы провести в стенах этого милого, продуваемого всеми ветрами заведения несколько лет своей жизни. *Так* меня даже арре Ирша в свое время не грузила, хотя второй такой зануды, как мне казалось раньше, не найти.

Оказывается, нашелся один. Тощий такой, в очках и в мундире. Но если так и дальше будет продолжаться, то к концу десятины – ах да, здесь же, как в Троемирье, считают неделями – я свалюсь с ног. Или заработаю стойкую головную боль, что гораздо страшнее.

Ну какое мне, скажите, дело до того, кто и почему решил основать пресловутое Троемирье? Какое значение имеют точные даты присоединения к нему соседей? Или зачем лично мне знать поименно всех императоров аж со дня основания империи? То ли дело строение Веера...

Я, например, не подозревала, что у каждого мира есть не только цифровое, но и буквенное обозначение, где первая цифра обозначала номер системы в реестре, вторая – последовательность присоединения к Вееру, а буква, – насыщенность магического фона, который различался по цветовому спектру. К примеру, «Б», то есть белый, – оптимальный для существования человека магический фон, такой цвет имели наиболее заселенные территории. Синий и зеленый – нормальный для простого человека, но менее приятный для мага спектр, сюда относились более отдаленные от Изначального мира. «К» – красный, повышенный, предельно допустимый для человека или мага уровень магического фона, как на Атолле. «С» – серый, характерный для окраинных миров вроде Оруана. И наконец, черный – в мирах, где магический фон настолько перенасыщен, что простому человеку там не стоило оставаться надолго.

Что удивительно, во всех этих мирах существовала жизнь. Но далеко не везде она была представлена привычными мне формами. Нет, про разумную слизь или говорящие грибы мастер Дабош нам не рассказывал, но вот создания, питающиеся чистой силой, или жители мира Грож, никогда не вылезающие из своих подземелий, как выяснилось – не выдумка. И хищные растения из мира «С-12.5», оказывается, реальны. Даже оборотни, которыми меня в детстве пугала мама, существовали, хотя и не считались такими дикими, как в сказках. Собственно, их и оборотнями-то можно было назвать лишь с большой натяжкой, однако вольность нравов, звериные повадки и нечеловеческая сила, как выяснилось, были присущи жителям мира «З-31.7» изначально.

Вообще, мастер Дабош умел рассказывать интересно. И хоть ворчала я на него после первого урока, на самом деле это от растерянности. Ну никак я не ожидала подобного от Школы наездников. И о Троемирье впервые сегодня услышала. Не говоря уж про императора, его обширную семейку, всех членов которой с первого раза и не упомнишь, и те три с половиной десятка миров, объединившихся под его эгидой пару веков назад в единое государство.

А еще меня удивили две вещи: во-первых – занятие длилось больше шести часов, тогда как я даже не сильно устала; и второе – после урока нам было велено возвращаться в свои комнаты, где, как выяснилось, уже ждал горячий обед. Насчет времени я, подумав, решила,

что так и должно быть – на Оруане сутки длятся почти тридцать часов, так что для меня здешние шесть, что наши четыре, то есть не так уж и много. А во-вторых, за целое утро мы с ребятами не успели перемолвиться ни единым словечком. Даже не познакомились толком. А затем разошлись по своим комнатам, словно солдаты по казармам.

Было, правда, и третье непонятное обстоятельство – домашнее задание. Смешное, право слово, – только и того, что заставить свет в своей комнате загораться и гаснуть от мысленной команды. Элементарная задачка для начинающей ведуньи – мастер Брин уже лет десять свой архив так освещал, так что мне даже напрягаться не пришлось.

Однако когда я пожелала поделиться опытом, то оказалось, что я не знаю, на какие завитки на ТУСе надо нажать, чтобы попасть к ребятам. Не было этого в моей усиленной внушении памяти, забыли положить. К тому же я, к собственному удивлению, вдруг обнаружила, что никуда не могу выйти. Меня заперли в четырех стенах и куцем каменном коридорчике, представляете? А в нем ни окон, ни дверей, даже ведущие в класс завитки на этот раз не сработали! Я битый час проторчала у арки, тыкая во все подряд выступы в надежде найти нужную комбинацию, но так ничего и не добилась. А когда в раздражении вернулась в комнату, то оказалось, что полный снеди поднос уже бесследно испарился. И сколько я ни билась возле «трубы», сколько ни напрягалась, активно представляя, что вскоре сытно поем, поднос обратно не вернулся.

Интересно, мастер Дабош об этом говорил, когда упоминал о дисциплине?

Обозлившись на всех и вся, я с мрачным видом уселась за письменный стол, теребя браслет. На всякий случай открыла и закрыла ящики – да, все три, но ничего полезного не обнаружила. Наконец устала от безделья и, особенно сильно рванув надоевшую металлическую полоску на руке, буркнула:

– На свежий воздух хочу. Немедленно.

Браслет мелодично тренькнул, засветился, будто попал под солнечный лучик, а в коридоре и прямо у меня над головой что-то грохнуло, словно там случился обвал.

От неожиданности я подскочила, а когда грохот прекратился, осторожно выглянула за дверь. Ого! Кажется, в этой Школе не только лампочки подчиняются мысленным командам. Оказывается, скучный коридор разительно изменился, а на одной из его стен появилась еще одна дверь – каменная. Провернулась как на шарнирах, стоило только потребовать. А за ней, утопая в пыли и паутине, виднелись ступени – высокие, круто уходящие наверх, будто в узкой замковой башне.

Не теряя времени, я застегнула куртку до самого горла (из щели ужасно сквозило) и, надев теплые перчатки с шапочкой, отправилась разведывать обстановку.

Идти пришлось долго – я даже взопрела, взбираясь по лестнице. Сотни полторы ступенек точно одолела, пока добралась до верха. Всю паутину, естественно, на себя собрала, вдосталь надышалась пылью, но тем приятнее было вдохнуть морозный воздух, которого на крыше оказалось в избытке.

Подняв воротник, я выбралась из башни и пораженно огляделась: вокруг царили горы – величественные, прекрасные, почти как у меня дома. По сравнению с ними я ощутила себя песчинкой, маленьким камушком на гигантском склоне, а от ощущения бескрайности мира сразу закружилась голова.

Впрочем, и Школа оказалась не так уж мала. Мне со своего места видно было плоховато, да и метель мешала рассмотреть подробности, но надежность толстых каменных стен ощущалась прекрасно. Сквозь снежные вихри можно было различить многочисленные

башни, теряющиеся в метели большие корпуса и забранные решетками окна, больше похожие на бойницы. Замок действительно был огромен. И ютился посреди горных хребтов, как маленькая жемчужина на раскрытой ладони.

Но не замок поразил меня больше всего. И даже не горы, хотя от раскинувшегося передо мной вида просто дух захватывало. Я впервые в жизни увидела настоящего дракона, и именно это зрелище окончательно выбило меня из колен.

Дракон, правда, оказался каменным. Он сидел на самом краю площадки, вцепившись когтями в последние плиты и наклонившись вперед так далеко, что казалось – еще немного, и он сорвется вниз. Его массивное, чудом умудрявшееся сохранять равновесие тело напоминало тугую пружину, готовую вот-вот распрямиться. Огромные крылья были слегка опущены и развернуты так, чтобы в любой момент можно было раскрыть их навстречу ветру. Все мышцы напряжены. Задние лапы напружинены, толстая шея вытянута струной, голова чуть приподнята, а обращенный вверх взгляд с надеждой смотрел в затянутые тучами небеса.

Кажется, еще мгновение, и дракон взмоет над разверзшейся под замком бездонной пропастью. Еще миг – и сильные лапы бросят его вперед... Но метель все выла и выла, выписывая вокруг застывшего зверя причудливые хороводы, а он все никак не мог решиться сделать свой последний прыжок.

Сколько я так простояла, зачарованно рассматривая гигантского зверя, трудно сказать. Драконов я, конечно, не люблю, но мастерство неведомого скульптора поражало – неизвестный умелец сумел прорисовать каждую чешуйку на могучем теле, каждую складочку на крыльях и каждый шип на длиннющем, свернутом в кольцо хвосте. Глядя на него, мне никак не удавалось избавиться от ощущения, что дракон вот-вот оживет. Жутковатое чувство, если честно. Пугающее. Наверное, только этим и можно было объяснить тот факт, что, очнувшись от оцепенения, я стиснула зубы и упрямо двинулась вперед.

Метель, как назло, взвыла пуще и резко усилилась, будто всерьез намеревалась мне помешать. Да и гуляющий под курткой холодок начал пощипывать кожу, словно советуя остановиться. Но я не привыкла отступать, поэтому упорно шла к дракону, желая во что бы то ни стало развеять иррациональный страх.

Надо сказать, упорствовала я не зря – стоило добраться до статуи, как метель, словно по волшебству, стихла. Порывы холодного ветра больше до меня не долетали. Его невидимые плети перестали стегать по щекам. А драконий бок, вопреки ожиданиям, оказался не ледяным и даже не колючим, несмотря на все свои шипы и кажущуюся шершавой каменную чешую.

Чтобы в этом убедиться, я даже перчатку сняла и коснулась ладонью чешуйки – она оказалась неожиданно теплой, гладкой и приятной на ощупь. На ней совсем не оседал снег, ее не коснулась наледь, ее даже время почти не затронуло – вон, ни скола не видать, ни щербинки, ни выемки.

Признаться, я слышала раньше о живых скульптурах, но не думала, что когда-нибудь мне доведется такую увидеть. И я не пожалела времени, чтобы обойти статую кругом и убедиться, что она вся такая. Заодно выяснить, что безопасная зона простиралась всего на три шага от каменного чуда. Дальше – все, стена, настоящий заслон из ветра и мокрого снега. А ближе к краю площадки ветер усиливался настолько, что мог легко подхватить и играючи швырнуть за парапет, благо обледеневшие камни этому способствовали.

Самое хорошее место оказалось у дракона под крыльями – туда вообще никакая

непогода не доставала. Пол там оказался сухим и таким же теплым, как статуя. Вокруг – ни пылинки, хотя скульптуре наверняка было немало лет. А нижний краешек правого крыла к тому же еще и загибался внутрь. Так что при желании на него можно было присесть или откинуться на каменную перепонку, наслаждаясь бушующей бурей и чувствуя себя при этом в полной безопасности.

Выбираясь из-под крыла, я твердо решила, что обязательно вернусь сюда вечером. А может, и поутру пораньше встану. Кто хотя бы раз побывал в горах на рассвете, меня поймет – это трудно описать словами. Драконы там, не драконы, добрые или злые, но я себе никогда не прощу, если упущу возможность полюбоваться на здешние закаты. Главное, чтобы проход в стене не закрылся. И чтобы преподаватели о нем не прознали – вряд ли им понравится, что одна из учениц путешествует по крыше в неурочное время.

Больше ничего интересного на площадке не нашлось, да и подмораживать стало. Так что я поспешила юркнуть в приветливо зияющий ход и, шмыгая носом, отправилась обратно в комнату, прикидывая, чем еще заняться до вечера. Общаться с соседями запрещают, есть не дают, спать еще рано, а других ходов по пути не обнаружилось...

Впрочем, занятие для меня все же нашлось. И, как водится, совершенно случайно. Просто, устав маяться от безделья, я в конце концов уселась за пустой письменный стол, потеревшая поднадоевший браслет и, ни на что особо не надеясь, вздохнула:

– Книжку бы сюда, хоть какую-то... про драконов, к примеру.

И была щедро вознаграждена за догадку – у стола чуть ножки не подломились, когда на него рухнула тяжелая кipa книг, которая едва не погребла под собой и меня. Под потолок взвилось густое облако пыли. Жалобно скрипнула прогнувшаяся столешница. А я, проморгавшись и прокашлявшись, в радостном изумлении окинула свалившееся с неба сокровище, а потом прочитала надписи на корешках, довольно потеряла руки и, уже понимая, как будет строиться наше обучение, потребовала:

– А теперь пусть останутся только книги с реальными фактами о крылатых монстрах...

Надо ли говорить, что из-за стола я выползла далеко за полночь – уставшая, с покрасневшими глазами, дикой головной болью и с онемевшей от браслета рукой. Видимо, в Школе строго относились к режиму, и за несоблюдение правил нерадивым ученикам полагалось наказание. Но мне и трещащей головы вполне бы хватило – разбирать причудливые закорючки, которые только при постоянной концентрации начинали складываться в нормальные буквы, оказалось невероятно тяжело. Я весь вечер промучилась, но с горем пополам одолела лишь треть первой книги. А толковой информации добыла и вовсе с ноготок.

Иными словами, спать я ложилась разочарованной. А встала и вовсе разбитая, будто на мне всю ночь воду возили. Потому что, как оказалось, кошмары не собирались покидать меня даже на Атолле, и проклятый ящер опять всю ночь сидел напротив, нервируя мой и без того издерганный разум. Но, что самое мерзкое, я снова умудрилась замерзнуть – поутру пришлось разгибаться со скрипом, проклиная здешние сквозняки и свои вчерашние подвиги, из-за которых у меня, похоже, начиналась простуда.

Книги, кстати, бесследно исчезли, оставив после себя безупречно чистый стол и неизменную стопку бумаги. Но быстротечный эксперимент, проведенный тут же, в ночной сорочке и с вынужденным приплясыванием на холодном полу, наглядно доказал, что это временное явление. И при желании я в любой момент могу вернуть пропавшую литературу.

Успокоившись на этот счет, я юркнула под горячий душ, где наконец-то согрелась. Затем с ворчанием натянула дурацкую униформу и, проглотив безвкусный завтрак, поплелась на урок. Но и там меня ждало сплошное разочарование, потому что вместо вчерашнего мастера Дабоса нас уже поджидал другой тип. Гораздо более серьезный. Который при виде меня (да, я снова явилась последней) нехорошо сощурил глаза и процедил:

– Садитесь.

Глаза у него, кстати, оказались темными, как сливы, почти черными. А вот кожа, напротив, такой же светлой, как у меня. Длинные седые волосы, заплетенные на висках в две причудливые косички, были собраны в конский хвост, но старым этого человека я бы назвать не посмела – на гладком худом лице не было заметно ни единой морщинки, ни складочки. Оно было словно вырублено из камня: жесткое, с острыми скулами, о которые, казалось, порезаться можно. С тонкими, больше похожими на две ярко-алые черточки, нитками губ... Неприятное лицо. А голос и того хуже. Что же касается взгляда, единожды его поймав, я замерла, ощутив, как сердце предательски пропустило удар, а потом поспешила опустить глаза, тщетно пытаясь отделаться от мысли, что рядом со мной находится хищный и очень голодный зверь, для которого я – не более чем добыча.

Я с трудом поборолла желание развернуться и уйти через ТУС. После чего упрямо сжала зубы, как можно спокойнее опустила за парту и выпрямилась, радуясь тому, что никто не видит, как у меня подрагивают колени.

– Теперь все в сборе, – сухо заключил незнакомец, одетый в такую же униформу, как и мы. Только светло-серого цвета и без нашивки на рукаве. – Насчет урока не переживайте – он пройдет, как положено, но прежде я должен сообщить вам правила, действующие в этом заведении. Во-первых, никто из вас ни при каких обстоятельствах, за исключением моего прямого приказа, не должен покидать ту часть Школы, карта которой уже заложена в вашу память. Во-вторых, никто из учеников не имеет права находиться вне своих комнат после наступления темноты. Время отбоя легко определить по погоде за вашими окнами – наложенная на них иллюзия, правда, не соответствует реальному положению дел, но это сделано исключительно для вашего удобства.

Я поморщилась. Хорошо хоть объяснил, а то я бы до вечера голову ломала, почему погода на крыше одна, а в окнах совсем другая. После чего попросила бы очередную книгу и прочитала обо всем самостоятельно.

– Далее. Поднимите руки те, кто не справился с домашним заданием.

Под пристальным взглядом незнакомца мне стало неудобно. Тисса сгорбилась и едва под парту не залезла, прячась от страшного чужака. Мальчишки напряглись, словно завидевшие хищника олени. Рук, впрочем, не поднял никто.

– Хорошо, – так же бесстрастно проронил мужчина. – С сегодняшнего дня все действия в ваших комнатах будут осуществляться исключительно мысленными командами: открытие и закрытие дверей, работа душевых, свет, подача еды, книг, чистка одежды... Браслеты вам в этом не помогут. Поэтому я повторяю свой вопрос: кто не справился со вчерашним заданием? Кому из вас требуется помощь?

От его голоса я тоже непроизвольно напряглась, хотя проблем у меня точно не было. А вот Тисса, судя по затравленному виду, испытывала очень сложные чувства, среди которых все явственнее проступал самый обычный страх.

Наконец она на что-то решилась и, втянув голову в плечи, жалобно прошептала:

– Мне...

– После урока расскажете мастеру Дабошу о своих затруднениях. Еще кто-то? Арре Иридан? Арре Матиас?

Сидящие передо мной мальчишки помотали головами.

– Арре Риер? – повернулся мужчина, и надменный паренек рядом со мной тоже сделал отрицательный знак. Вот, значит, как его зовут? Надо запомнить.

– Арре Хейли?

Я стиснула зубы и вскинула голову, заставив себя посмотреть прямо в темные, как бездна, глаза незнакомца.

– Нет.

По моей спине пробежал холодок, сжавшиеся в кулак пальцы заоченели, а дыхание стало вырываться с трудом, словно в классе внезапно упала температура.

– Хорошо, – повторил мужчина, отворачиваясь, и от этого сразу стало легче. Невидимая тяжесть пропала, а к подушечкам пальцев снова начала возвращаться чувствительность. – Потому что больше вам помощь предлагать не будут, и со всеми трудностями вам придется справляться самостоятельно.

Ну и ладно. Не больно-то и хотелось, особенно от этого упыря.

– Сегодня вы сделаете только первый шаг на пути к вершине. Но он же станет для вас и последним, если вы не сумеете правильно расставить приоритеты. Чтобы стать Всадниками, потребуется большая работа над собой. Безусловно, это будет трудно. Возможно, даже больно. Но в конечном итоге, препятствия сделают вас только сильнее. Если, конечно, у вас хватит мужества их преодолеть.

Я тихонько вздохнула. Опять общие слова...

– Вероятно, кто-то из вас заметил некоторые странности и задается сейчас вопросом, почему мы не приветствуем общение между учениками? – резко сменил тему мужчина, и я вздрогнула от неожиданности. Творец! Он что, мысли мои читает?! – Отвечаю: потому что в данный момент вам необходимо сосредоточиться на себе. Учебный процесс выстроен так, чтобы помочь вам достичь нужной степени сосредоточения. Развить те умения, которым ранее большинство из вас не уделяло внимания. Для этого вам придется концентрироваться на каждой мысли, которая появится в вашей голове. На каждой эмоции, каждом желании. С максимальной отдачей, потому что только так вы научитесь выделять из вороха сиюминутных порывов то, что действительно необходимо. Без этого умения дальнейшее обучение будет бесполезным, поэтому на ближайшие полгода вы лишены возможности общаться с коллегами. Вопросы есть?

Я поспешила прикусить язык, чтобы не спросить лишнего. Почему-то это показалось благоразумным. И хоть вопросов в голове крутилось множество, пришлось снова уткнуть взгляд в пол и сделать вид, что меня ничто не интересует. Ежели чего, я потом у Дабоша спрошу, а не у этого типа. Дабош хоть не сожрет на месте, а от такого не знаешь, чего ждать.

– В таком случае я вас покину...

– О, милорд, вы уже здесь? – вдруг послышался от ТУСа почтительный голос преподавателя. – Простите, я не ожидал, что вы придете так рано. Все-таки начальный курс, да еще столь небольшой набор...

– Я уже закончил, мастер, – холодно отозвался «милорд». – Можете продолжать урок.

– Благодарю. Арре, когда в класс входит или когда его покидает высшее лицо Школы, нужно встать!

Я неохотно встала, скрипнув зубами и краем глаза отметив, что никто из соседей, в

точности повторяя мои действия, так и не решился поднять голову. А потом едва слышно хлопнул закрывшийся портал, ощущение напряжения в комнате резко упало, и мы с облегченным вздохом вернулись на свои места.

— Ну вот и познакомились, — пробормотал под нос мастер Дабощ, торопливо проследовав к своему столу. — Рановато, конечно, но куда деваться — когда начальство изъявляет желание познакомиться с учениками... Так, класс! Можете расслабиться и успокоиться — сегодня вы увидели директора нашей Школы — лорда Кая Эреноя. Правда, обычно он не удостоивает своим вниманием кандидатов до посвящения, но сегодня, видно, особенный день... или же кто-то из вас успел его заинтересовать.

Я нервно дернула щекой, вспомнив пронизывающий взгляд лорда.

Не завидую я тому, кем заинтересуется этот человек. Не знаю, кем он был раньше, но у него глаза убийцы. Я такие видела однажды, когда казнили главаря банды разбойников. Так вот, у него был похожий взгляд. Только тот человек смотрел на собравшуюся толпу затравленным зверем, а этот прекрасно сознавал свою силу. Но, что самое неприятное, за этой силой стояла еще и власть. Наиболее опасное, на мой взгляд, сочетание.

Я так и просидела весь урок под впечатлением от встречи, вспоминая, анализируя и делая выводы. Вслушиваться в голос лектора не было никакого желания, так что запоминала я абсолютно машинально. А когда пришло время уходить, тихо поднялась и, не задав ни единого вопроса, вернулась в свою комнату, борясь с настойчивым ощущением, что лорд Эреной зашел сегодня в класс не случайно.

Обед я на этот раз не пропустила – не было никакого желания второй вечер подряд оставаться голодной. Плотным ужином, как выяснилось, учеников здесь не баловали, так что следовало хорошенько подкрепиться перед прогулкой.

Да. Еще утром я твердо решила не останавливаться на достигнутом и любыми путями изучить хотя бы ту часть замка, расположение которой пряталось у меня в голове. Правда, достать эти сведения пока не удавалось, но во время обеда появилась здравая мысль воспользоваться книгами. Так что, добросовестно подчистив все тарелки и до дна опустошив кружку с компотом, я потеребила браслет и требовательно заявила в пустоту:

– Достань карту Школы. Доступную для меня часть.

Браслет не подвел – на стол вскоре шлепнулась потрепанная книжка в синей обложке. Не такая пыльная, как вчерашние, из чего я сделала вывод, что не одна я такая умная. Видимо, прежние поколения учеников тоже искали выход из устроенной преподавателями западни и осваивали доступные методы получения информации.

Книжка, правда, оказалась не ахти какой содержательной, но самое главное она сделала – позволила мне взглянуть на расположение основных коридоров Школы. И, что еще важнее, помогла вспомнить порядок нажатия завитков на моем персональном ТУСе. А еще в ней содержались названия помещений – таких, как оружейный зал для первого курса, учебные комнаты, лаборатория, подвальное помещение первого и второго уровня... В ней даже зал живых картин был указан!

Вот с него-то я и решила начать знакомство со Школой. Все-таки книгами браслет меня более или менее обеспечивал, заниматься с оружием я пока не планировала, а вот живые картины – это действительно интересно.

Насчет домашнего задания я не волновалась. Свет загорался и послушно гас от малейшего движения моих бровей, шкаф исправно чистил одежду, а вода бойко лилась из всех кранов. Так что я со спокойной совестью собралась в поход и, справедливо рассудив, что в запретные помещения меня все равно не пустят, решительным (разумеется, мысленным) пинком распахнула дверь.

ТУС тоже сработал без проблем, выгрузив меня в мрачном, плохо освещенном коридоре, обставленном с той же «роскошью», как и возле моей комнаты: абсолютно голые стены, полное отсутствие украшений, за исключением лепнины на потолке, «веселенькая» серая расцветка... Красота!

Задрав голову и обнаружив высоко наверху теряющиеся в темноте светильники, я хмыкнула и уже испытанным методом велела им включиться. Они послушно отозвались, так что можно было не опасаться внезапно выскочивших навстречу углов или забытого на полу мусора. Дальше я пошла, сверяясь с отпечатавшейся в памяти картой, согласно которой нужный мне зал должен был найтись во втором ответвлении по правую руку, за третьей по счету дверью.

Он там и оказался. Правда, «зал» для него – весьма нескромное название. Так, небольшая комнатуха, до предела заваленная старыми стульями и разломанными табуретками. Но зато она была от пола до потолка увешана всевозможными картинами. На первый взгляд ничего особенного в них не было – простые рамы, никаких завитушек, обычная краска, разве что блестящая на свету чуть больше обычного... Однако стоило мне

остановиться и всмотреться в одну из них, с цветущим лугом, как картина действительно ожила.

В одно мгновение захламленная комнатуха куда-то исчезла, и я, пошатнувшись, ощутила себя стоящей на самом красивом в мире лугу. Виднеющийся вдаль лес, ослепительно синее небо над головой, пышное буйство цветов, нежный шелест травы... Я стояла как громом пораженная, позабыв обо всем на свете. Мои волосы развевались от поднявшегося теплого ветерка. Мою кожу ласкало летнее солнце. Под меховой курткой вскоре стало жарко, и я расстегнула ее, всем существом впитывая царящее вокруг умиротворение.

Я наслаждалась этим местом. Кружилась, как озорная девчонка, впервые в жизни увидевшая подобную красоту. Бездумно пила напоенный незнакомыми ароматами воздух, словно целебный нектар. Я так давно не видела зелени и настоящего солнца, что даже не понимала, насколько по ним соскучилась, и, наверное, могла бы простоять тут всю жизнь, если бы не мелькнувшая мысль, что все это – немножко ненастоящее. И это далеко не единственная картина, которая может поразить мое воображение.

Стоило мне подумать о возвращении, как волшебство мгновенно исчезло. Погасли яркие краски, утих летний ветерок, пропали чудесные ароматы... Я снова оказалась в полутемной и грязной комнате, ошеломленная и растерянная. Переход от света к тени был настолько резким, что этот контраст больно резал глаз. Внутри все сжалось от ощущения потерянного чуда, душа отчаянно просила не отнимать у нее прекрасное мгновение, и мне стоило большого труда не вернуться обратно. Так что от стены пришлось даже отступить, едва не споткнувшись о гору сваленных друг на друга табуреток.

– Однако... – ошеломленно пробормотала я, вытирая со лба внезапно выступивший пот. – Не так уж и хороши эти картины. Правильно их сюда засунули. Неизвестно, что бы со мной было, если бы я не подумала о возвращении.

После этого я стала действовать осторожнее – шла медленно и аккуратно, на развешанные на стенах полотна смотрела сперва искоса, мельком, чтобы не оказаться в центре какого-нибудь сражения или возле экзотического зверя, рвущего на части добычу. И только убедившись, что там нарисована мирная пастораль, останавливалась и задерживала взгляд.

Всего за пару часов я успела побывать и в ночном лесу с потрясающими светящимися деревьями, и на тихом озере с такой прозрачной водой, что можно было различить каждый камушек на дне. Заглянула в знойную пустыню, где утопали в песках развалины древнего города. Посмотрела на первое в своей жизни теплое море, по берегу которого даже рискнула пройтись и зарыться ладонями в белоснежный песок. Увидела затонувший на рифах корабль, с которого волны сметали нехитрый скарб моряков. Гуляла под сенью гигантских папоротников, растущих в каком-то диком мире. Украдкой следила за идущими на водопой карликовыми оленями... Я много дикушинок встретила, переходя от одной картины к другой. И от души наслаждалась необычными видами, ничуть не жалея, что трачу время на такую, в сущности, ерунду.

Лишь когда длинная вереница картин подошла к концу и более или менее мирных среди них не осталось, благоразумие мне отказало, и я с любопытством взглянула в дальний угол, где, прячась среди нагромождений всевозможного хлама, на кособоком стуле притулилась последняя картина. Закрытая плотной, густо запылившейся тканью, из-под нижнего края которой выглядывал лишь кончик треугольного, покрытого крупной змеиной чешуей хвоста.

Творец! Да это же...

Меня кинуло в дрожь от внезапной догадки, а внутри все затрепетало от желания побыстрее разгадать эту тайну. Драконы всегда будоражили мое воображение. Их мрачная слава с самого детства не давала мне покоя, а потом еще и проклятые сны всю душу вымотали. Одну живую скульптуру я вчера увидела, и она действительно потрясала. Но картина, на которой крылатый ящер будет выглядеть и даже двигаться словно настоящий, это совершенно иное.

Когда мои дрожащие руки торопливо разбирали завалы вокруг импровизированного постамента, я твердо дала себе слово, что больше ничего не испугаюсь. Когда мои пальцы настойчиво тянули прочь пыльную ткань, я была абсолютно уверена, что могу справиться с чем угодно. В крайне случае отвернусь, посмотрю лишь украдкой, чтобы не попасть в беду. Но когда картина наконец освободилась от многолетнего плена, и на ней во всей своей красе показался воплощенный ужас Оруана, я самым позорным образом растерялась. Потому что с темного полотна, щедро одаренного мрачными красками подземелий, на меня опять смотрел *тот самый* дракон! От которого я так долго пыталась спастись во снах и который в эту минуту стал моим персональным, внезапно ожившим кошмаром.

Я провалилась в проклятую картину сразу, мгновенно, не успев ни крикнуть, ни отшатнуться. Тяжелый воздух обволок меня плотным удушливым облаком. В голове похоронным звоном отозвались позвякивание цепей, мерные звуки падающей воды и негромкий шорох разворачиваемых крыльев. После чего мне снова стало безумно холодно... а когда желание вернуться обратно в комнату не сработало, то еще и страшно.

Творец, как же я перепугалась, когда огромная морда, приподнявшись с таких же огромных лап, взглянула на меня до боли знакомыми зелеными глазами, а потом кто-то прошептал, кажется, прямо у меня в голове:

«Хейли?!»

Я попыталась закричать, но из горла вырвался только сдавленный хрип.

Захотела отшатнуться, тщетно стараясь вспомнить, как убежать из этого ужаса, но лишь рухнула на колени, скребя влажные камни скрюченными, потерявшими чувствительность пальцами.

Я даже попыталась куда-то уползти, в панике обшаривая отвратительно скользкий пол, но и этого мне не позволили сделать – кошмарная морда, с легкостью протянувшись ко мне через все подземелье, легонько подтолкнула мои руки. И от одного этого прикосновения я буквально помертвела, с ужасающей ясностью поняв, что чудовищный дракон буквально вытягивает из меня жизнь. А сама картина превратилась в одну большую ловушку, настроенную, по-видимому, на таких доверчивых дурочек, как я.

«Уходи. Иначе умрешь, – снова раздался в голове шепот, и на меня печально взглянули огромные глаза с вертикальными зрачками. – Уходи, Хейли, или я тебя убью».

– Я... не могу... – простонала наконец я, кое-как сумев отползти подальше. – Я не знаю, что делать!

«Просто пожелай... тебе надо домой».

– Как?!

«Скорее, Хейли! – Его шепот почти угас, а недавняя печаль в глазах сменилась звериным голодом и неутоленной жадой крови. – Я больше не могу себя контролировать».

– Д-домой! – непослушными губами выкрикнула я, чувствуя, что еще немного, и от меня действительно ничего не останется, кроме застывшей на полу сосульки. И это помогло –

меня вышвырнуло из картины, как тугую пробку из бутылки. Со звоном, шумом и грохотом. Причем, если звенело у меня в ушах, шумела тоже я, когда захлебывалась собственным криком и падала навзничь, то грохотом обеспечили повалившиеся табуретки, в обломках которых я едва не утонула. – Я хочу домой!

Последние слова я прокричала, уже лежа среди груды деревяшек. Кричала из последних сил, в страхе, что не успею и навсегда останусь внутри проклятой картины. Я даже не сразу поняла, что все закончилось. А когда сознание вернулось ко мне, измученно откинулась на спину и, наплевав на воткнувшиеся под лопатку острые ножки, крепко зажмурилась, чувствуя, как меня всю колотит от пережитого, а по щекам текут непрошенные слезы.

– Ненавижу тебя! – сдавленно прошептала я, сжимая кулаки. – Ненавижу, ты слышишь?!

После чего нашла в себе силы приподняться и, уставившись на картину, яростно крикнула:

– Откуда тебе известно мое имя? Кто его сказал?!

Однако дракон не ответил. Свернувшись клубком, он устало смежил веки и, накрывшись одним крылом как одеялом, задремал. В темноте нарисованного подземелья его серебристое тело белело размытым тусклым пятном, красивая чешуя поблекла, тугие перепонки обвисли, острые когти бессильно скребли по мокрому полу, а из огромных ноздрей медленно стекала вниз темно-бордовая дорожка, которой, кажется, еще минуту назад не было и в помине...

Резким движением отвернувшись, я поднялась с пола и, пошатываясь от слабости, побрела прочь. Уставшая, обессиленная и твердо уверенная, что в эту комнату я точно никогда не вернусь.

Ночью меня снова мучили кошмары. Я несколько раз просыпалась в холодном поту с громко колотящимся сердцем. Но при этом, как ни старалась, почти ничего припомнить не могла. Только глаза – те самые, зеленые, смотрящие прямо в душу и полные бесконечной тоски глаза, в которых печаль то и дело сменялась таким же бесконечным голодом. А еще шепот – тихий, настойчивый, постоянно повторяющий мое имя. Было от чего сойти с ума.

Услышав этот шепот, я долго не могла уснуть. Ворочалась, непроизвольно прислушиваясь к каждому шороху. Ругала сама себя. И при этом отчаянно мерзла, искренне не понимая, почему ощущение гуляющего по комнате сквозняка упорно не проходило.

В какой-то миг мне даже показалось, что этот сквозняк, как специально, кружил вокруг постели, так и норовя задуть в малейшую щелочку. От него не спасали ни покрывало, ни брошенная сверху куртка, ни даже теплые носки, предусмотрительно натянутые с вечера. Он изматывал меня на протяжении всей ночи и утомился лишь к рассвету, позволив наконец забыться тяжелым, не приносящим облегчения сном.

Путру я опять встала уставшая и разбитая, а в душ потащилась только из желания согреться. Потом так же неохотно проглотила готовый завтрак, оделась и поплелась на занятия, по дороге всерьез раздумывая, можно ли покинуть замок, не поставив в известность преподавателей.

В классе нас снова приветствовал мастер Дабощ, что, признаться, меня удивило. Уже третий день как мы тут заседаем, а новых лиц практически не видно. Он что, единственный учитель на всю Школу? Или мы другого пока не заслужили?

– Сегодня мы с вами поговорим о драконах, – поприветствовав нас, вдруг заявил преподаватель, и я вынужденно оставила свои размышления на потом. Драконы – это важно; ту зубодробительную книгу на чужом языке я вчера не дочитала, а разобраться со своими

страхами было необходимо. – Понимаю, что тема волнующая и рано или поздно вы все равно начнете об этом спрашивать. Поэтому позвольте я сообщу известные факты и уточню детали, о которых вы, вероятнее всего, не слышали. А затем попрошу более не возвращаться к этой теме, по крайней мере до посвящения, поскольку ничего нового я при всем желании сообщить уже не смогу. Скорее, кто-то из вас, став Всадником, сумеет потом нас удивить. Но до тех пор мы будем исходить сугубо из доказанных сведений. Итак, арре, что мы знаем о драконах...

Я навострила уши.

– Драконы – одна из древнейших разумных рас в Веере, благодаря которой осуществляется связь между мирами, – скучным голосом начал лекцию мастер Дабощ, заложив руки за спину и расхаживая вдоль своего стола. – Когда именно и в каком мире они появились, неизвестно, но есть мнение, что их колыбелью был Изначальный мир. Так это или нет, драконы не сообщают, но никто из Всадников и не опровергает данное предположение, поэтому в настоящий момент считается, что именно Изначальный мир стал точкой отсчета, откуда протянулась первая Звездная тропа. Теперь что касается общего количества драконов и их наездников... В настоящее время в Веере насчитывается чуть более пяти с половиной десятков зарегистрированных, то есть прошедших обучение в Школе Всадников. Это очень немного, особенно если учесть, что наше заведение функционирует более трех сотен лет и исправно поставляет обученных кандидатов. Сложность в том, что далеко не все они становятся Всадниками – драконы крайне придиричивы в выборе партнера. Может пройти не один десяток лет, прежде чем кто-то из крылатых возьмет выпускника под свое крыло. По этой причине ритуалы посвящения проходят в Школе ежегодно, в том числе и для тех, кто уже закончил обучение, но еще не нашел своего дракона.

О том, как именно все происходит, я вам не скажу – это одно из таинств, постичь которое может лишь Всадник. Знаю лишь, что ритуал проводится на территории Школы, но вам не стоит надеяться, что его удастся случайно подсмотреть – наше заведение весьма просторно, а его корпуса расположены таким образом, что во многие из них иначе чем через ТУСы не попасть. Да что там – ни один из преподавателей-немагов не имеет допуска к местам размещения старшекурсников. И так же, как вы, никто из нас не имеет права присутствовать на посвящении. Надеюсь, это понятно?

Я мрачно кивнула, обменявшись с сидящим за соседней партой Риером выразительным взглядом. Аристократик, правда, тут же отвернулся, сделав вид, что меня не существует, но я не расстроилась. Творец с ним, с гордецом. Все равно мы почти не видимся.

– А сколько драконов живет в Веере? – неожиданно задал вопрос Матиас, предварительно подняв руку.

– Этого никто не знает, – снисходительно улыбнулся преподаватель. – Но потребность во Всадниках есть всегда, так что драконов определенно больше, чем наездников. Мы, как ни старались, не смогли выяснить, откуда они приходят, есть ли у них место постоянного обитания, как часто они образуют пары (и образуют ли вообще), сколько рождается детенышей в кладке, как быстро они растут... По сути, мы ничего о них не знаем. Стыдно признать, но без малого за четыре тысячи лет то, что нам было известно о драконах, практически не изменилось.

– Как же так? – не выдержала я. – Неужели никто и ничего не смог выяснить?

– Драконы открывают свои тайны только Всадникам, арре, – обернулся ко мне мастер Дабощ. – Но те не спешат развеивать гуляющие по Вееру мифы и хранят упорное молчание

обо всем, что касается их партнеров. Доподлинно известно, что драконы разумны и в своем развитии заметно нас опережают. Они долго живут и при определенных условиях могут поделиться этой способностью со своим Всадником. При этом они все-таки смертны, и их даже можно убить, однако в Веере существует не так много заклятий, способных причинить им серьезный ущерб. Драконья чешуя, кстати, весьма ценный продукт, поэтому оружейных дел мастера с ног сбиваются, чтобы перекупить ее у Всадников. Еще мы знаем, что драконы способны беспрепятственно перемещаться между мирами. Для этого им не нужны ни Звездные тропы, ни ТУСы, ни что-то иное. Это их врожденная особенность, которой они распорядились весьма своеобразно и, вместо того, чтобы просто путешествовать из мира в мир, создали стационарные переходы. Создали, разумеется, для нас, потому что им они без надобности. И это стало началом плодотворного сотрудничества, которое продолжается по сей день.

– А у драконов есть своя магия? – нетерпеливо подпрыгнул на стуле Матиас.

Забавный паренек. Третий день его вижу и прямо-таки умиляюсь – этот взъерошенный сорванец с непослушными русыми вихрами и любопытными глазенками точь-в-точь как я в детстве. Непоседливый, энергичный, шустрый и жадный ко всему новому. Эх, сколько воды с тех пор утекло... Но в мои двадцать шесть волей-неволей приходится вести себя скромнее.

На вопрос паренька господин Дабош лишь отрицательно покачал головой.

– Так называемой собственной, или «драконьей», магии не существует. Способность выдыхать огонь, если вы говорите об этом, у драконов врожденная. Заклятиями они не пользуются, сродства к другим видам стихий практически не имеют. Но есть одна особенность, которая условно может быть причислена к магическим умениям. Условно, – потому что природа этого явления до конца не изучена. Она заключается в том, что драконы могут слышать своего Всадника в любом из миров. Считается, что во время посвящения образуется некая связь – пожизненная, вероятно, которая позволяет им общаться на расстоянии. Причем Всадник может слышать только своего дракона, а дракон способен общаться лишь со своим Всадником.

– А с чем это связано? – подала голос я, на этот раз спросив позволения по всем правилам. – Почему только один на один?

– Затрудняюсь ответить, арре, – развел руками преподаватель. – Но могу предположить, что причина кроется в ритуале. Кто и когда его придумал, я не знаю, однако, поскольку инициаторами сотрудничества были именно драконы, то рискну предположить, что это как-то связано с особенностями их физиологии. Или, наоборот, со строением нашего мозга. А может, сразу с двумя этими факторами.

– А были ли случаи, что драконы выбирали себе Всадника не из числа людей? – внезапно заинтересовалась я. – На прошлом занятии вы рассказывали о других расах. Среди них были когда-нибудь Всадники? И если да, то почему в нашем классе нет ни одного нелюдя?

Мастер Дабош тяжело вздохнул.

– Ну и вопросы у вас, арре...

Я неловко кашлянула. Ну что поделаешь, я привыкла выяснять все до конца.

– Нет, – наконец качнул головой преподаватель. – Привилегия быть Всадниками принадлежит исключительно нашей расе. Ни ворфы, ни круольцы, ни обитатели подземелий Грож и никто другой ею не обладают. И никогда кандидаты от них не переступали порога нашей Школы. Вы, разумеется, спросите меня почему? Но, думаю, ответ и без того очевиден:

у представителей этих рас нет тех способностей, которые делают Всадников Всадниками. В частности, они не умеют выживать вне стационарных Звездных троп, не способны работать с ними напрямую и по этой причине драконов не интересуют. Вы еще что-то хотите спросить, арре Хейли?

– Да. Кто такие ворфы, мастер?

– Коренные обитатели мира «3-31.7». Так называемые оборотни, которыми вас наверняка пугали в детстве. Мы с вами позавчера о них говорили, помните?

– А круольцы? – рискнула подать голос Тисса, робко протянув вверх ладошку.

Я против воли улыбнулась, глядя на конопатую кроху, изо всех сил старающуюся выглядеть серьезно. Но мастер Дабош посмотрел на нее с таким же укором, как и на меня какое-то время назад.

– Круол – это единственный обитаемый мир в системе с черным спектром магического фона, арре. И о нем мы тоже говорили на первом уроке. Разве вы успели забыть?

– Простите, – пискнула Тисса, вжимая голову в плечи. Бедняжка. Ей и так неудобно, самой маленькой, да еще и девочке, а с нее требовали запомнить все до последнего словечка и обязательно с первого раза, хотя даже у меня из головы многие детали уже вылетели. Но преподавателю, кажется, было все равно, кому и сколько тут лет. Поняв по нашему виду, что не только Тисса запамятовала про Круол, он свел мохнатые брови к переносице и сурово бросил:

– Плохо, арре. Вы невнимательно меня слушали. И упустили из виду, что в конце ознакомительного цикла всех вас ждет подробнейший и индивидуальный опрос для определения степени усвоения вами пройденного материала. Те, кто его не сдаст, рискуют нарваться на продолжительную беседу с нашим директором. По окончании которой, уверяю, никому из вас не захочется витать в облаках во время занятий.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Что, еще и опрос? А при провале – долгое общение с тем упырястым лордом с глазами наемного убийцы?

– А много ли будет занятий в этом цикле, учитель? – с беспокойством спросила я, пока мастер Дабош страшно вато шевелил бровями и метал в нас громы и молнии.

– Семь. После этого вас будет ждать другой цикл и другой преподаватель. Затем третий, четвертый... и так до конца года, после чего для каждого из вас руководство подготовит индивидуальное испытание. Моих циклов у вас за это время пройдет порядка двенадцати, но халатности и пренебрежения я не потерплю. Так что начинайте работать сразу, арре! Это для вашего же блага!

Я, впечатлившись, пробормотала:

– Вы об этом раньше не говорили...

– Теперь сказал. Итак, напомним-ка мне, арре Хейли, чем знамениты обитатели черной зоны Веера?

Я мысленно ругнулась и честно напрягла память.

– Круол... это... мм... мир с повышенным магическим фоном, мастер...

– Еще.

– Пребывание там человека сопряжено с определенными трудностями.

– Какими конкретно? – совсем уж насупился преподаватель.

Я вздохнула.

– Люди там быстро заболевают, мастер. Причем, насколько я поняла, это происходит, если они не озаботятся защитой или не успеют покинуть этот негостеприимный мир в

течение полугода.

– Хорошо. Что вы запомнили о коренных обитателях этого мира?

Я снова вздохнула. На этот раз виновато.

– Они не совсем люди, мастер, владеют магией и... и это, наверное, все.

Творец... мне впервые за много лет стало стыдно. Но я действительно забыла, о чем он тогда говорил. После недавних ужасов и бессонной ночи подробности об этой системе напрочь вылетели у меня из головы.

– Завтра я жду от вас детального конспекта на эту тему, арре Хейли, – поджал губы мастер Дабош. – Я хочу, чтобы вы очень внимательно отнеслись к источнику информации и предоставили мне собственноручно написанный текст, из которого я бы понял, что вы наконец начали серьезно относиться к учебе.

Я тут же вскинулась.

– Я не легкомысленная, мастер. Я просто забыла.

– Вам непростительно забывать подобные вещи! – повысил голос преподаватель. А потом отвернулся и гораздо тише добавил: – Когда-нибудь, возможно, это спасет вам жизнь, арре. Поэтому берите дополнительную литературу и работайте. Все необходимое найдете у себя в комнате. Как пользоваться столом, надеюсь, вы уже освоили.

Я насупилась, но возражать было бессмысленно – сама оплошала, ничего не поделаешь. Теперь придется до ночи ломать глаза, читая книжки и силясь разобрать корявые буквы чужого языка. Вот ведь еще одна головная боль...

Остаток занятия прошел скомканно и вяло. Ничего нового помимо того, что я накануне прочитала, учитель больше не сказал. Желание задавать вопросы у меня иссякло, да и остальные притихли. Мальчишки, судя по сосредоточенным лицам, вспоминали содержание первых двух уроков, я вообще мечтала о том, чтобы поспать, а Тисса растерянно водила пальцем по столешнице, пытаясь одновременно слушать и запоминать. Один Риер выглядел невозмутимым и сидел с таким видом, словно случившееся его никак не касалось. Но у него, похоже, лицо всегда такое – будто из камня высеченное. Воспитание, етить... Дракон поймешь, что у парня на уме.

– Урок окончен, – наконец выдохся мастер Дабош и строго взглянул на нас поверх своих линз. – Надеюсь, арре, вы со всем прилежанием отнесетесь к тому заданию, которое сегодня получили. Жду вас завтра с конспектами, свежими головами и готовностью дальше осваивать материал.

Мы только покивали, спешно выбираясь из-за парт. После чего дружно поклонились преподавателю, как того требовал этикет, гуськом проследовали к засветившемуся ТУСу и, так и не обменявшись ни единым словом, разошлись по своим комнатам.

– Интересуетесь Круолом, арре?

Невинный с виду вопрос, произнесенный сухим бесстрастным тоном, застал меня врасплох. Более того, я даже не сразу поняла, кто его задал, потому что не ожидала, что кому-то еще придет в голову мысль болтаться на продуваемой всеми ветрами крыше. А уж встретить упрямого директора я и подавно не планировала.

Тем не менее он все-таки был здесь. Стоял недалеко и так внимательно меня изучал, словно я в чем-то провинилась. На фоне высоких гор, мирно дремлющих под слоем искрящегося на солнце снега, чистейшего синего неба и редких игривых облаков его высокая фигура смотрелась чужеродной. Безликая униформа не придавала ей ни блеска, ни строгой красоты. Само его присутствие так резко нарушало гармонию этого места, что я испытала острое желание отвернуться. Но вместо этого лишь вздохнула и, спустив ноги на крышу, встала с крыла.

– Добрый день, лорд Эреной.

– Откуда столь пристальный интерес к черным мирам? – словно не услышал он и выразительно посмотрел на отложенную книгу. Единственную, надо сказать, которую замагиченный стол неохотно выдал на мой запрос. – Или вас заинтересовало что-то конкретное?

Я мысленно порадовалась, что лорду глубоко наплевать на мое отсутствие в комнате, видимо, крыша не входила в список запрещенных мест. И на артефактном драконе ученикам сидеть тоже не возбранялось.

– Мастер Дабош задал к завтрашнему дню конспект на тему коренных обитателей мира «Ч-0», господин директор. Я как раз этим занимаюсь.

Лорд Эреной неожиданно усмехнулся.

– Вы плохо готовитесь, арре, и выбрали для этого крайне неподходящую литературу.

– Ничего не могу поделать: другой не выдали, – сухо отозвалась я, не понимая, чего ему от меня нужно.

– Возможно, вы просто неверно сформулировали запрос?

– Я запрашивала информацию о Круоле, господин директор. И получила в качестве ответа только «Справочник по мирам с избыточным магическим фоном».

– Да? И как успехи?

Я нахмурилась. Это что, насмешка?

– Я еще не закончила – чужой язык очень труден для восприятия. Даже артефакт не всегда спасает.

– Буквы расплываются? – с внезапным участием осведомился лорд, и я даже передернулась, когда его тонкие губы дрогнули в некоем подобии улыбки.

Вы когда-нибудь видели, как улыбаются волки? Нет? А я однажды имела удовольствие наблюдать это невероятное зрелище и сегодня очень некстати об этом вспомнила. А лорд Эреной снова усмехнулся и, требовательно протянув руку, властно бросил:

– Пойдемте со мной, арре. Я помогу вам подобрать нужную книгу.

Я сперва подумала, что ослышалась. Потом решила, что надо мной издеваются. Наконец неосторожно подняла голову, заглядывая в его глаза, и... сама не поняла, как вышла из-под драконьего крыла. А очнувшись, лишь когда ветер злорадно хлестнул меня по лицу, вокруг

моей кисти сомкнулись твердые пальцы и меня настойчиво куда-то потянули.

Миг возвращения сознания был пугающим и болезненно острым. Я – большая девочка и прекрасно знаю, что бывает с доверчивыми дурочками, попадающими в руки властного и сильного мужчины. Он, конечно, директор, но при этом еще и маг. И я под его внушение, пусть ненадолго, но все-таки попала.

– Лорд Эреной...

– Запросы следует формулировать по ключевым словам, арре, – не поворачивая головы, бросил маг, без малейшего усилия таща меня за собой. К ближайшей стене, на которой, словно клякса на детском рисунке, начали проступать очертания ТУСа. – Если вам необходимо получить информацию по какому-нибудь миру, следует указать не только его название, но и реестровое обозначение, цвет магического фона, самоназвание доминирующей расы или что-то достаточно значимое, имеющее непосредственное отношение к нужной вам теме, чтобы система выдала необходимый результат. К примеру: «Круол», «магия», «смерть»... Или «Круол», «иллюзии», «Цитадель»...

Я только сглотнула, поняв, что не могу ему противиться. Просто не могу и все. Больше не в силах. Зато я даже сквозь перчатку чувствовала, как от чужих пальцев веяло холодом. Будто к глыбе льда прикоснулась. Творец! Да кто же он такой?! И что бы со мной было, если бы я заранее не упрятала руки в мех?

– Система поиска данных в библиотеке Школы чрезвычайно проста, – бесстрастно продолжал директор, не ослабляя хватки. – Но ею еще нужно научиться пользоваться. Это один из этапов вашего обучения, хотя, вероятно, ваши коллеги не додумаются до нужного принципа ранее чем через пару недель.

– Почему же вы рассказываете об этом мне, милорд? – наконец сумела выдавить я и осеклась, когда он резко остановился и вперил в меня тяжелый взгляд. – Зачем вы мне помогаете?

– А кто сказал, что я хочу помочь именно вам? – По губам лорда Эреной вновь скользнула недобрая усмешка. А в следующий миг ТУС на стене окончательно сформировался, став похожим на обычное, только большое и лишенное отражения зеркало, а затем заблестел зеленоватыми огнями на обрамляющем «зеркало» орнаменте. – Идемте, арре. Для вас это будет полезно.

– Что именно?! – вскрикнула я, но он, не слушая, небрежно пнул сапогом по нижним завитушкам и уверенно нырнул в открывшийся переход, утаскивая меня за собой.

Правда, испугаться я толком не успела – помещение, куда меня привел господин директор, оказалось небольшим, но довольно теплым и напоминало нечто среднее между рабочим кабинетом и библиотекой. Одну ее стену сплошь занимали полки, до отказа заполненные книгами и разделенные перегородками на несколько секторов. Вторую почти целиком заполняло громадное, занавешенное тяжелыми шторами окно, за которым по-прежнему светило яркое зимнее солнце. Напротив располагался низкий диван и высокий шкаф со стеклянными дверцами, за которыми тоже просматривались корешки каких-то книг. А перед диваном стоял такой же невысокий, покрытый искусной резьбой столик из темного дерева.

Небрежно кинутый сверху белоснежный платок нарушал строгую атмосферу комнаты, а красующийся на столе прозрачный графин, до половины наполненный ярко-рубиновой жидкостью, выглядел и вовсе неуместно.

Почувствовав, что стальная хватка на руке исчезла, я рискнула отступить подальше от

ТУСа, оформленного как обычное зеркало, а затем осмотрелась повнимательнее. И лишь со второго раза обнаружила, что в комнате есть не только окно, но и дверь – тяжелая, резная, из того же дерева, что и столик. На фоне темной стены да при столь слабом освещении ее почти не было видно, но полюбопытствовать и рассмотреть ее получше мне не дали.

– Подойдите, арре, – велел лорд Эреной, направившись к полкам и небрежным жестом сняв с них полупрозрачную пленку. Которую я, к своему сожалению, заметила лишь тогда, когда она начала истаивать. – Возьмите для начала вот это.

Достав с одной полки два увесистых тома в красном кожаном переплете, обвязанных бечевкой, он так же небрежно бросил их в мою сторону, а затем наконец повернулся и насмешливо хмыкнул, когда понял, что я от неожиданности едва успела их подхватить.

– Здесь собрана наиболее полная информация об интересующем вас мире. Некоторые сведения, правда, не до конца проверены, но вам для конспекта абсолютная точность не требуется.

Я машинально опустила взгляд на книги и, прикинув количество страниц, тяжело вздохнула.

– Не волнуйтесь, арре – время подготовиться у вас будет, – словно угадал мои мысли лорд Эреной. – Полагаю, господин Дабош согласится, что на освоение этого материала одного вечера недостаточно. Исходя из этого, я освобождаю вас от необходимости отчитываться перед ним за эту работу, а зачет буду принимать сам. Здесь же. Ровно через три дня. В устной форме. И упаси вас Творец ответить неправильно.

Я резко вскинула голову и, сообразив, что именно услышала, в шоке уставилась на него. Это что, шутка?!

Но лорд Эреной вовсе не походил на шутника. В царящем вокруг сумраке его лицо показалось мне высеченной из камня маской. Бледной, неподвижной и мертвой. Одни глаза, казалось, жили своей собственной жизнью – бездонные, ярко мерцающие в темноте, манящие...

– Вы меня слышали, арре? – тихо осведомился лорд, заставив меня вздрогнуть и инстинктивно попятиться.

– Да.

– В таком случае я вас больше не задерживаю. Портал у вас за спиной.

После этого он неторопливо отвернулся, позволив мне судорожно вздохнуть и отступить еще дальше, а затем демонстративным жестом потянулся к графину, плеснув его содержимое в невесть откуда материализовавшийся бокал. Не знаю почему, но звук, с которым кроваво-красная жидкость полилась в бокал, заставил меня передернуться. А пренебрежение, с которым это было сделано, вызвало внутренний протест.

– Прощу прощения, милорд, – упрямо сжав кулаки, осведомилась я, когда он неторопливо и словно бы с ленцой пригубил напиток. – Могу ли я в следующий раз воспользоваться вашим ТУСом?

Господин директор изумленно обернулся.

– Что?

– Вы велели вернуться через три дня, – набычилась я. – Время я запомнила. Но мне нужно знать: вы сами за мной явитесь или же я могу просто воспользоваться вашим зеркалом?

Какое-то время лорд Эреной смотрел на меня, будто не верил своим ушам, а потом негромко рассмеялся. Неожиданно ровным, бархатистым, поистине заволаживающим

смехом, при звуках которого я растерянно замерла.

– Я не ставлю для вас никаких ограничений, арге, – отсмеявшись, сообщил он и от души глотнул напиток из бокала. – Мои «зеркала», как вы выразились, в полном вашем распоряжении. Если, конечно, вы сумеете ими воспользоваться.

Я только стиснула зубы.

– Благодарю, милорд.

После чего отвернулась и, теснее прижав книги к себе, словно в омут нырнула в призывно мерцающий переход.

Какие бы цели ни преследовал господин директор, но книги он дал мне стоящие – в этом я убедилась, как только примчалась к себе и, вытряхнув снег из-за воротника (на крыше снова усилился ветер), рьяно взялась за чтение.

Более того, почему-то *эти* книги читались легко, буквы в них не прыгали, как бешеные блохи, а текст не расплывался при малейшей потере концентрации. Да и изложение было выше всяких похвал. Имя автора мне, правда, нигде не встретилось, да и название на корешке кто-то старательно затер, но я все равно увлеклась и, позабыв про сон, уже не думала о том, какой ценой мне досталось это сокровище.

Круол оказался невероятно интересным миром. Единственным в своем роде, потому что больше нигде в Веере не встречалась такая насыщенность естественного магического фона. Сам по себе, конечно, этот факт большого интереса не вызывал (ну, фон и фон, какая разница?), однако то, что он сделал с коренными круольцами, заслуживало отдельного разговора.

Для сравнения автор предлагал представить обычного человека таким сосудом, сквозь который свободно течет магическая сила (автор обозвал ее «маной»). Через кого-то она проходит беспрепятственно, кто-то, напротив, может управлять ее течением. Последнее, разумеется, относится к магам. Причем чем больше у мага возможностей накопить эту силу, тем он могущественнее. Соответственно чем больше насыщенность магического поля вокруг, тем легче заимствовать силу извне.

Но вот интересный вопрос: до какого уровня человек может ее накапливать? Где предел его возможностей? И что произойдет, если скорость ее притока станет выше того, что маг сможет использовать или просто пропустить сквозь себя?

Собственно, Круол и есть ответ на этот вопрос. Потому что его обитатели, вынужденные существовать в столь необычных условиях, нашли сразу два пути решения этой проблемы.

Большая их часть, если верить книге, пошла по пути накопления и обзавелась невероятно емкими внутренними резервами, позволяющими собрать огромное количество так называемой «маны». А меньшая, наоборот, заполучила способность пробрасывать сквозь себя гигантские объемы этой самой «маны» в очень короткие сроки. При этом первые в силу медлительности процесса практически утратили способность пользоваться «маной» по собственному усмотрению, а вторые, напротив, обрели невероятную мощь, но стали не способны ее копить. Такой вот странный выверт природы, когда в пределах одного и того же мира образовались две абсолютно различные касты жителей.

Как следует догадаться, вторая каста очень быстро стала доминирующей. А со временем разделилась еще на несколько подкаст, во главе которых встали верховные Князья. Под ними находились князья стихийные, под стихийными – старшие, затем – младшие. И так до самых

слабых (по местным меркам, конечно) магов, объединенных родственными узами в небольшие, но очень влиятельные Дома.

Значимость того или иного Дома определялась совокупностью уровней силы его представителей. Не потому, что разброс был таким уж значительным, а по той причине, что большинство магов оказалось способно использовать лишь один вид энергии. К примеру, только огонь. Или только воду. Но зато в своем направлении они действительно являлись сильнейшими в Веере.

Когда я дочитала до этого места, то задалась еще одним вопросом: а почему такие могучие маги до сих пор не подмяли под себя весь Веер? Систему «Ч-0» зарегистрировали около тысячи лет назад, и к этому времени формирование жестко структурированного общества на Круоле завершилось. Однако, судя по тому, что рассказывал мастер Дабощ, ни один окрестный мир не пострадал от своих могущественных соседей. Более того, они даже войны ни одной не затеяли, хотя с их возможностями это было раз плюнуть.

Что это? Великодушие? Или же круольцы настолько заинтересованы в сохранении своей единственной Звездной тропы, что по доброй воле отказались от завоеваний? Что-то в последнее слабо верилось. Драконы, насколько я поняла, хоть и хранили мир, но в прямые конфликты все же не вступали. А история Оруана говорила, что рано или поздно тот, кто сильнее, все равно начнет засматриваться на земли соседа. Так что для всего Веера будет лучше, если верховным Князьям никогда и ничего не понадобится за пределами своей странной системы.

С этими мыслями я ближе к полуночи и выбралась из-за стола, потому что влияние дотошного к соблюдению режима браслета стало невозможно игнорировать. Голова была тяжелой и гудела, словно медный котел. Глаза от непривычной нагрузки болели, шея затекла. Мысли ворочались тяжело и немного оживились лишь после горячего душа, под которым я простояла битых полчаса в надежде смыть накопившуюся усталость.

Потом я долго лежала, закутавшись в одеяло и бездумно глядя в потолок. Мерзла, конечно, поэтому сон опять долго не шел. А когда он наконец подобрался вплотную и позволил моему взбудораженному сознанию задремать, вернулась старая проблема – перед глазами вновь, как живой, предстал крылатый кошмар, который едва не стал вчера явью.

Правда, на этот раз дракон уже не сидел, а бессильно распластался по влажному полу, но зато его голос звучал гораздо громче, резче и как будто даже с эхом. Этого хватило, чтобы я со стоном схватила за голову и до утра промучилась в тщетных попытках вытравить оттуда настойчивый шепот.

Как я смогла подняться с постели на следующий день, сложно сказать. Три бессонные ночи превратили меня в чудовище – бледно-синее, с воспаленными от недосыпа веками и мутным взглядом утопленника. По дороге к ТУСу меня шатало, как запойную пьяницу. Я трижды пыталась открыть переход, но всякий раз промахивалась мимо расплывающихся завитушек. На уроке почти ничего не слышала – в ушах гудело, будто после кувшина медовухи. Голос мастера Дабоща казался то оглушительным набатом, от которого начинала раскалываться голова, то, наоборот, падал до едва слышного шепота. И тогда я с благодарностью закрывала веки и роняла тяжелый лоб на скрещенные руки.

Ненадолго, к сожалению, – нормальные сны, похоже, стали для меня непозволительной роскошью. Потому что всякий раз, как мне доводилось закрыть глаза, упрямый дракон неизменно возвращался и продолжал что-то настойчиво шептать. То тише, то громче. То неразборчиво, а то исступленно рыча:

«Помоги! Ну помоги же мне! Ты ведь можешь!»

Я всякий раз вздрагивала, будто от удара, поспешно растирала лицо и украдкой оглядывалась, боясь, что кто-нибудь заметит мое плачевное состояние. Но мне повезло – последняя парта стала настоящим спасением, так что соседи даже не подозревали, насколько близка я была в тот день к обмороку. А господин Дабощ, если и заметил неладное, ничего на это не сказал. Просто проводил сочувственным взором и, пользуясь тем, что остальные уже вышли, негромко посоветовал:

– Вам следует больше отдыхать, аппе.

Я вместо ответа вымученно улыбнулась. А добравшись до комнаты и кое-как умяв обед, из последних сил подхватила тяжелую книгу и потащила на крышу. Молча отсчитывая про себя оставшиеся часы до зачета и внутренне холодея от мысли, что со мной будет, если я его не сдам.

Каменный дракон встретил меня как родную – надежный, теплый, понимающе-молчаливый. Нежно обнял крылом, обогрел, успокоил. И прикрыл собой от пронизывающего ветра, бессильно завывающего где-то между башен Школы. Забравшись на этот раз на крыло целиком, я сжалась в комок, подтянула колени к груди, прижалась лбом к перепонке и в какой-то миг все-таки забылась. А очнувшись уже в темноте, под тихий шелест падающего снега, от странного ощущения, что кто-то ласково гладит мои волосы и горестно шепчет:

«Прости, прости, моя Хейли, я опять не сдержался...»

– Творец! – простонала я, открыв глаза и увидев, что снежные вихри свиваются передо мной в знакомый силуэт. – Ну что тебе от меня надо? Что ты пристал?!

«Прости, – виновато опустил голову снежный дракон, а затем бессильно уронил крылья и, одарив меня долгим печальным взглядом, медленно истаял в воздухе. – И прощай, мое непокорное Пламя, я больше тебя не потревожу»...

Я замерла, беспокойно обшаривая то место, где только что сидела здоровенная рептилия. Ничего. Только ветер и снег. Что это было? Сон? Видение? Бред? Но почему мне снова так холодно? И откуда на щеках взялись мокрые капельки, если снег сюда не долетал?

– Творец, что я делаю? – прошептала я, до боли стискивая кожаный корешок книги. – И что я должна сделать, чтобы это больше не повторилось?

«Помоги!» – сам собой вспомнился умоляющий шепот, и я с беззвучным проклятием соскочила с крыла.

Нет, если это не закончится, я точно сойду с ума! А может, я уже схожу... как мама? Вижу то, чего нет, слышу чужие голоса... а скоро, наверное, совсем перестану отличать реальность от вымысла?

«В любом случае хуже уже не будет, – мрачно подумала я, выбираясь из-под крыла статуи. – Книгу потом заберу. Если выживу, конечно. А нет, так невелика потеря – кто-нибудь другой потом доложит лорду Эреною про загадочный и весь из себя таинственный Круол».

Как добраться до зала с картинами, я отлично помнила. Но в последний момент все же решила не идти знакомой дорогой. Кажется, господин директор пообещал, что его «зеркала» теперь в полном моем распоряжении?

– Ладно, – пробормотала я, подходя к той части стены, где лорд создал вчера свой персональный переход. – Я знаю, что ты где-то здесь. ТУСы не бывают спонтанными – это мастер Дабощ нам уже успел рассказать. А значит, я обязательно тебя найду сейчас, иначе случится что-то очень нехорошее. Надеюсь, правда, что не со мной...

Увы. Стена не спешила подсказывать и не собиралась демонстрировать мне свои

волшебные свойства. Как была холодной и серой, так и осталась, хотя я всматривалась очень внимательно и даже обшарила ее для верности. А потом я вспомнила про странную пленку, которой директор накрывал полки с книгами, и призадумалась. После чего обшарила стену еще раз, нащупала наконец что-то невесомое, накинутое на камень прозрачной вуалью, и рывком его сдернула, с удовлетворением убедившись, что догадка была верна.

Личный ТУС лорда Эреноя оказался гораздо меньше по размерам, чем мой внизу, но мне многого и не требовалось. Только и того, что пнуть кончиком сапога две нижние завитушки и привычно нырнуть в загоревшееся марево, в самый последний момент представив нужный мне коридор. После чего без труда отыскать третью по счету дверь по правую руку, на мгновение замереть перед ней, будто перед прыжком в прорубь, а затем решительно войти внутрь, отрезая для себя все пути к отступлению.

Картина с драконом стояла на прежнем месте – пыльная и все еще никем не тронутая. Ее единственный обитатель по-прежнему лежал у дальней стены, завернувшись в крылья, как в одеяло. Казалось, в нем ничего не изменилось за два прошедших дня – те же тусклые блики на чешуе, те же устало опущенные веки. Вот только багровая лужа возле ноздрей заметно расширилась. Да краски на холсте потускнели.

До боли прикусив губу, я подошла вплотную и, поколебавшись, положила ладонь на картину. Она оказалась шершавой и прохладной на ощупь. И уже совсем не походила на тот полный жизни холст, от одного взгляда на который замирало сердце.

– Ну вот, я пришла. Что дальше?

У нарисованного дракона едва заметно дрогнули губы. А потом края картины внезапно раздвинулись, на меня снова пахнуло сырым подземельем, а до слуха донесся мерный звук падающих капель. Кап-кап... кап-кап... как отзвуки размеренных ударов большого сердца, от каждого сокращения которого по влажным стенам пробегала едва заметная дрожь.

Я замерла, как лань перед прыжком, готовая во весь голос заорать спасительное «домой!» при первых же признаках опасности. Но забившийся в угол дракон не шевелился. Только тяжелое веко чуть приподнял и взглянул на меня сквозь мутную пленку.

«Ты все-таки здесь...»

Я озадаченно моргнула, но веко так же медленно опустилось, а усталый шепот в моей голове затих, так и не закончив фразу. Я немного постояла, ожидая, что будет дальше. Ничего так и не дождалась. Наконец все-таки рискнула подойти ближе, убедилась, что мне не показалось – мой крылатый кошмар действительно выглядит ужасно, и внезапно поняла:

– Ты умираешь...

«Да».

– И умираешь уже давно.

«Я ждал тебя. Но сил больше не осталось».

– Почему? – нахмурилась я, рискнув приблизиться к истощенному дракону еще на шаг.

Серебристое крыло неожиданно опустилось, и вот тогда я увидела, почему он так плох – на драконе был застегнут железный ошейник. А от него к стене шла толстенная цепь. Так что зря я переживала – чудовищный зверь все равно бы до меня не дотянулся. Даже если бы захотел.

«Цепь – лишь следствие допущенной однажды глупости, – устало вздохнул дракон, не открывая глаз. – Как и твой страх. Я слишком поздно это понял».

– Я больше не боюсь, – хмуро откликнулась я, рассматривая ошейник с безопасного

расстояния. – Я вообще бояться не люблю. Что ты хочешь?

«Помоги...»

– Да? – оправданно засомневалась я, покосившись на цепь. – А вдруг ты потом опомнишься и все-таки сожрешь, как намеревался? У меня, знаешь ли, большие планы на жизнь: семья, учеба, уроки недоделанные...

«Я не причиню тебе вреда, – измученно выдохнул дракон, на мгновение приоткрыв один глаз. – Да мне и не дано загасить твое Пламя. Но если не веришь...»

– Сам говорил, что убьешь, – напомнила я, на всякий случай держась поодаль. – И вообще, ты непоследовательный: то кричал, то пугал и угрожал, то молил... Определись сперва, что тебе нужно, ладно? А там и поговорим.

Он только вздохнул. А затем неловко перевалился на бок и, вытянув шею, отвел голову в сторону. Так далеко, что передо мной оказалась лишь могучая грудина, закованная в естественную броню, от которой даже издали веяло несокрушимостью.

Пока я раздумывала, что к чему, по чешуе пробежала болезненная судорога. Раздался громкий треск, мерзкий чавкающий звук, тут же сменившийся звуком рвущейся плоти. Мгновением позже в ямке над верхней частью грудины дракона образовалась ярко-красная щель, откуда пахнуло неистовым жаром... А еще через миг меня буквально оглушил мерный и ровный рокот, в котором отчетливо проступало мощное: тук-тук... тук-тук...

Ой, ты ж господи... Выходит, не врут легенды?

Я остолбенела, во все глаза уставившись на размеренно сокращающийся комок живой плоти.

«Сними, – обессиленно прошептал дракон, отодвигая крыло еще дальше и словно приглашая взглянуть на собственное сердце. – Ты же видишь – я полностью открыт».

– Д-да уж... Всего один удар, и у тебя не останется шансов.

«Вот именно. Поэтому помоги... или добей. Я все равно долго не протяну».

Я отвела наконец глаза.

– Ладно, попробую что-нибудь сделать. Но учти – я в первый раз. И если оплошаю...

Он промолчал, покорно ожидая моего решения. И не шелохнулся, даже когда я, кряхтя, взобралась по толстой лапе и уже с плеча недовольно буркнула:

– Ты холодный! Даже через куртку пробирает!

«Прости. Я держусь, но это не всегда помогает».

– В каком смысле? – не поняла я, попутно изучая крепление на ошейнике. Несложное вроде. У нас в деревнях собак на такие сажают. Механизм простой, даже ребенок открыть сможет. Только и делов, что одну петельку с крючка снять, а дальше ошейник сам слезет.

«Чтобы жить, мне нужны силы, – кротко пояснил дракон. – Свои давно закончились, поэтому я тяну твои».

– Что?!

Моя рука тревожно замерла на петельке.

«Тебе холодно, потому что я забираю твои силы, – тяжело уронил он, даже не думая увиливать или приукрашивать правду. – Сперва помногу, поэтому ты и испугалась. Но я учел прошлые ошибки и сейчас беру совсем чуть-чуть. Когда мои резервы восстановятся, ты перестанешь мерзнуть. Но это долгий процесс. И его очень трудно контролировать. Поэтому будь осторожней и, пожалуйста, не прикасайся к коже».

– Это как, интересно? – внезапно разозлилась я, восседая на чужом загривке, как на шипастом заборе. – Взлететь, что ли? Крыльшками помахать, как у тебя? Так спешу

сообщить – не обзавелась еще. Не отравила, знаешь ли. Тьфу!

Тугая петля наконец соскочила с круто загнутого крючка, замок оглушительно щелкнул и раскрылся неопрятным стальным цветком, продемонстрировав моему сердитому взору натертую до глубоких ран драконью шкуру. А следом за ошейником с драконьей холки со звоном слетели и цепи. Вместе со мной, едва успевшей соскользнуть вниз и отпрыгнуть, чтобы не зашибло.

Но если я полагала, что на этом все и закончится, а крылатый пленник радостно воспарит под самый потолок, то меня ждало жестокое разочарование. Потому что дракон, оказавшись на свободе, просто бессильно обмяк, перестав, кажется, даже дышать. Зияющая обширной раной грудь скрылась за безвольно упавшим крылом, да и мерное биение сердца на какое-то время оборвалось. Причем так резко, что наступившая тишина показалась мне оглушительной.

– Эй, ты чего? – забеспокоилась я, когда из натертых ошейником ран щедро выступила кровь. – Помирать, что ли, собрался? Э-эй! Не смей! Я еще не все спросила!

Тяжелое крыло легонько дрогнуло и медленно, словно бы нехотя укрыло неподвижного дракона серебристым покрывалом.

«Мое имя... – Он проурчал какой-то нечленораздельный набор шипящих и рычащих согласных, среди которых явно выделялись «р», «х» и «ш», а потом со вздохом добавил: – Можно просто Рэн. Но сейчас тебе пора, Хейли. Если ты останешься, когда я усну, то можешь погибнуть. А я обещал тебе не вредить».

– Даже так? – неприятно удивилась я. – Ладно. Принимается за «спасибо». Счастливо оставаться, Рэн.

Из-под крыла появились широкие ноздри с застывшими кровяными дорожками на чешуе, а затем и крупный зеленый глаз с вертикальным зрачком. Дракон внимательно взглянул на меня, при этом узкая полоска зрачка растеклась широкой кляксой на всю радужку, затем снова собралась в щелку. После чего наконец виновато спряталась за кожаным веком.

«Прости. Я очень тебе благодарен. Но если ты не уйдешь, моей выдержки может не хватить. Тебе известно, что такое голод?»

Я только махнула рукой и отвернулась. Такого разочарования мне уже давно не доводилось испытывать.

«А чувство, когда ты висишь над пропастью, держась лишь на одной воле, видишь протянутую руку и при этом сознаешь, что любым неосторожным движением можешь утянуть спасителя за собой?»

– Все-все, поняла! – сдалась я и попятилась от сонного ящера. – Больше на рожон не лезу! *Домой!*

«Я буду ждать тебя, Хейли, – тихо пророкотал дракон, когда вокруг меня задрожали и начали стремительно расплываться стены мрачного подземелья. – Как ждал все двадцать шесть лет со дня твоего рождения...»

Я охнула и, не удержав равновесие, все-таки свалилась на злополучные табуретки. Укололась, конечно, ударилась, порвала перчатку на левой руке. Хотела было засыпать проклятого дракона стремительно набегаящими вопросами, но спрашивать оказалось не у кого – нарисованный зверь безмятежно спал, сунув морду под крыло. А рядом с ним, посверкивая стальными краями, лежал растянутый ошейник и неопрятной грудой валялась тяжелая цепь, при виде которой я зябко передернула плечами и, недолго поразмыслив, все-

таки решила не рисковать.

Глава 6

Следующим утром я впервые проснулась сама, без понуканий. И с приятным удивлением обнаружила, что чувствую себя гораздо лучше, чем накануне. Надо же, всего одна ночь без сновидений, а какой результат...

Шустро умывшись и собравшись, я даже завтрак проглотила с аппетитом. Более того, не наелась впервые за несколько дней. И приятно удивилась во второй раз, когда, мимолетно подумав о добавке, тут же получила в свое распоряжение второй поднос. С горячей, еще дымящейся кашей, большим куском свежего хлеба и внушительной кружкой парного молока, приведшего меня в полный восторг.

В класс я на этот раз явилась первой и уже с порога обратила внимание на некоторые детали. В частности, на недавно вымытый пол. На витающий в воздухе аромат свежей хвои. Неровно расставленные в три одинаковых ряда парты числом в целых девять штук, притом что учеников было всего пятеро. На два узких зарешеченных окна, при беглом взгляде на которые удавалось рассмотреть лишь громаду соседнего корпуса и медленно кружащиеся в воздухе снежинки. Семь асимметрично повешенных полок по правую руку от входа, где цвело и пахло зеленое изобилие... Уделив им всего несколько секунд своего резко обострившегося внимания, я неожиданно поняла, что в горшках ютилось целых двадцать семь видов разнообразных растений. Причем ни одного из них я прежде не видела, а разницу уловила лишь по строению листьев и форме бутонов.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Аppe – обращение к человеку, обладающему магическим даром. – *Здесь и далее примеч. авт.*